

18+

Л.Фандеева

Мир тесен

Лилия Фандеева

Мир тесен

«Автор»

2018

Фандеева Л.

Мир тесен / Л. Фандеева — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-12133-1

История девушки, которую, как и ее брата-близнеца, разлучили с матерью в далеком 1961 году. Детей усыновляют разные семьи, даже не догадываясь, что их родная мать жива. Через 25 лет, волей случая и безрассудного поступка, девушка теряет свою любовь, но встречается с матерью и братом. За это время происходит много событий: встречи и расставания, любовь и потери, смерть и рождение новой жизни. Ей помогает только вера в хорошее и всего одна любовь.

ISBN 978-5-532-12133-1

© Фандеева Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лилия Фандеева

Мир тесен

Глава 1

Все пассажиры купейного вагона скорого поезда спали. Было то предрассветное время, когда, как считают многие, сон самый крепкий и лишь одна девушка стояла в коридоре у окна, касаясь лбом стекла. Она взглянула на часы, «Пять часов. Через сорок минут поезд прибудет на станцию, а еще, минут через двадцать я буду дома», – думала она, улыбаясь.

Ирина Федорова возвращалась с установочной сессии финансово-экономического института, где училась заочно теперь уже на пятом курсе, получая второе высшее образование, а дома ее ждал любимый мужчина. У нее была веская причина сократить эту сессию до минимума: трехмесячная командировка у Сергея закончилась, и девятого сентября он отбывал в свою часть, сегодня было шестое число. О том, как сложатся их отношения в дальнейшем, говорили и мечтали много и наверняка бы уже узаконили свои отношения, но Сергей был женат, а слушание дела о разводе перенесли на 25 сентября. Отец Сергея звонил, как только получил письмо из суда.

Поезд прибыл точно по расписанию. Спрыгнув с подножки вагона, Ирина взяла сумку в одну руку, коробку с пирожными в другую и пошла в сторону города. Такси в городе не было, а для двух автобусных маршрутов было слишком рано. Через пару минут у тротуара остановился «Москвич».

– Девушка, Вам далеко?

– В третий микрорайон. Подвезете? – Ирина очень надеялась на попутный маршрут нежданного автомобиля.

– Садитесь, мне тоже туда, – ответил водитель, удобнее устраиваясь в кресле.

Открыв заднюю дверцы машины, Ирина забросила сумку и уселась рядом. – Спасибо Вам. Провожали? – спросила она.

Водителю было около 40-45, на лице его сияла счастливая улыбка.

– Да. Отправил тещу к ее сыну в Свердловск. Теперь у меня вроде отпуск за вредность месяца на три. А Вы из командировки? – водитель еще больше улыбнулся, довольный собственному предположению.

– Как догадались? – Ирина решила поддержать разговор. – Понятно, отчего Вы такой довольный.

– В отпуск с одной сумкой женщины не едут, нарядов много надо, – проезжая перекресток он на секунду замолчал, – теща целый чемодан набрала.

– Вы в каком доме живете? Где мне удобнее выйти к 23 номеру, чтобы вам по пути? – спросила Ирина.

– Да в нашем доме и живу, во втором подъезде, а Вы в четвертом. Вас как зовут? – спросил ее «благодетель», проехав очередной перекресток и сворачивая в нужном направлении.

– Ирина, – ответила она, берясь за ручки сумку.

– Очень приятно, а меня Анатолий. Вы не удивляйтесь. Дом заводской, а мы заводские все друг через друга знаем, не один год вместе работаем, так что незнакомые лица запоминаются. Приехали! – он затормозил у ее подъезда.

Ирина поблагодарила нового знакомого и вошла в подъезд. Открыв входную дверь своим ключом, тихо прошла на кухню, прикрыла за собой дверь и включила свет. Первым делом поставила на плиту чайник, вымыла под краном руки, и, стараясь не шуметь, освободила место в холодильнике под коробку с пирожными и папиными съестными подарками. Выключив заки-

певший чайник, Ирина увидела в проеме открывшейся двери Сергея. Вид у него был не то больного, не то перебравшего вчера спиртного.

– Ты приехала? Сегодня что, суббота? – задал вопрос Сергей, обнимая Ирину.

«Это не болезнь» – подумала она, «вдыхая аромат» алкогольного перегара.

– Сегодня пятница, я просто раньше закончила свои дела. Ты что не рад? Я привезла твои любимые пирожные, – она открыла холодильник и показала коробку.

– Иришка, я очень рад, но мне так плохо. Сделай мне, пожалуйста, кофе. Мы вчера с ребятами в ресторане посидели, и видимо хорошо посидели, – он с жадность пил горячий напиток. – А сама, почему не пьешь? Хороший кофе. Отец передал? Повезло ему с тещей. Допью и в душ, выветривать дурость. Да, Иришка, у меня новость неприятная – Лариска приехала.

Лариса была женой Сергея, с которой он подал документы на развод. Из-за имущественных претензий жены, развод мирным путем через загс не получился. Теперь все решалось в судебном порядке.

– И что она хочет, ты говорил с ней? – какая-то смутная тревога охватила Ирину.

Сергей не успел ответить. В дверном проеме появилась белокурая женщина, в небрежно накинутой рубашке Сергея. Он сидел спиной к двери и только реакция Ирины, лицо которой стало бледным, а глаза широко раскрыты от удивления, заставила его обернуться. Он увидел свою жену и не мог уже понять сон это или явь. Он был в шоке.

Лариса вела себя довольно спокойно и уверенно.

– Мы о многом вчера говорили и не только говорили, – не дожидаясь ответа Сергея, произнесла она, снисходительно глядя на Ирину.

– Ты что здесь делаешь? Как сюда вообще попала? – он не мог поверить в происходящее. Хмель выветривалась на глазах.

– Разве не ты вчера привел меня сюда из ресторана? Ты, Сережа либо пей меньше для памяти, либо ври меньше – запутаешься, а развод ты получишь только на моих условиях. Потопился ты обнадеживать девушку.

Лариса упивалась своим превосходством. Она знала мужа не первый год и знала, что он никогда не поднимет руку на женщину, а скандал был ей только на руку. В сложившейся ситуации, она нашла в лице Ирины невольного свидетеля, присутствия мужа и жены в одной квартире.

Ирина вышла из «ступора», нужно было что-то сделать, сказать.

– Вы ребята, разбирайтесь между собой в другом месте, а сейчас вон отсюда, оба. – Голос предательски дрожал. – У вас десять минут на сборы, – продолжала она, – или я звоню в милицию. Срок, конечно, не дадут, но неприятности за вторжение в чужую квартиру будут. Время пошло.

Достав дорожную сумку, она не кидала вещи Сергея, а аккуратно складывала.

– Ирина, ты же видишь, она делает все для того, чтобы нас посорить. Не было ее вчера в ресторане. У меня куча свидетелей. Между нами ничего уже не может быть. Она пытается заполучить квартиру, которую родители купили Людмиле, всеми способами. Не получился бы скандал сегодня, она бы пришла завтра. Для этого даже в командировке меня нашла, заметь ни в части, а здесь. Сколько и каких усилий надо было приложить, чтобы точно узнать, где я нахожусь в данный момент? А вот в Загс не потрудилась прийти. Успокойся Ирина, сядь, давай поговорим. – Казалось, Сергей сейчас заплачет. Вид у него был как у побитой собаки.

– Ребята, время идет. Я ничего не хочу слышать в оправдание. Для меня Сергей, одного того факта, что ты привел свою жену в мою квартиру, более чем достаточно. – Ирина закрыла молнию дорожной сумки. – В цветном пакете вещи не стираны, в серой сумке обувь. Сережа я ничего не имею против такого стиля вашей семейной жизни, но поверь, после того, что я увидела и пережила, ты должен уйти. Я не могу и не хочу больше вас видеть никогда. – Слезы уже застилали глаза.

– Хорошо, Ирина, я уйду, но будь уверена, обязательно вернусь. Ключи на полке.

– Скажи Лариса, такие сучки как ты, сразу рождаются, или становятся ими потом, от безделья и бесхарактерных мужей? – обратился он уже к жене.

Дверь захлопнулась, Ирина присела рядом с дверью и дала волю слезам. Обида и отчаяние сводили ее с ума, жизнь потеряла смысл. Сколько она просидела так, горько рыдая, она не знала. Громкий телефонный звонок не умолкал и заставил ее поднять трубку. – Это мог звонить отец.

– Да! – сказала она тихо в трубку, – да это я, – ответила она, все еще шмыгая носом.

– Это телеграф беспокоит, Вам пришла телеграмма по приему документов. Просят ответить, если не передумали.

– Нет, не передумала. Я в течение часа буду у вас, – утирая слезы, она пошла в ванну. «Я отправила документы, когда Сережка перестал звонить. Как же я обо всем забывала рядом с ним» – вспоминала Ирина свой необдуманный поступок.

В конце мая Ирина, действительно отправила документы в Якутию, на работу по договору в одном из местных отделений Стройбанка, теперь пришел ответ. «Вот и решение всех проблем. Поедем на Север» – подумала она, приводя себя в порядок. Открыла дверь балкона в спальне, где еще чувствовался запах чужих духов. Сдернула с кровати одеяло. Простынь, замененная ею перед отъездом, была девственно чиста. Сняв всю постель, она включила стиральную машину и стала переодеваться. По пути к телеграфу она все время думала – «Может, и не было никакой любви с его стороны? А что, если ему было просто удобно иметь под боком подружку? Сколько она его знает? Не полных семь месяцев. Нет! Он был искренним, ласковым, внимательным, заботливым, иначе за это время ложь или игра проявились. Она верила ему и готова была поехать за ним, но этот «сюрприз». Может, стоило поговорить, а не гнать его, дать, в конце концов, шанс до развода. В этом треугольнике я занимаю не очень почетное место. А если между ними, действительно ничего нет? Тогда, как и почему она оказалась в квартире? Неужели он был настолько пьян, что не отдавал себе отчета в поступках? Это еще хуже. Как же это все пережить? Как найти в себе силы справиться со всем этим? Мне даже возвращаться в квартиру не хочется, где я была так счастлива и куда так спешила сегодня. Моя первая и последняя любовь, мой Сережка, такой родной и желанный, потерял во второй раз».

Уже через полчаса Ирина разговаривала по телефону с управляющим. Его интересовал один вопрос.

– Когда Вы сможете приехать Ирина Николаевна? – В трубке звучал приятный мужской голос.

– Как только оформлю перевод и бронирование квартиры, а это зависит от Вашего вызова – она успокоилась, и говорила ровным голосом.

– Мы все отправим спецсвязью, так будет быстрее. Сегодня же переговорю с Вашим начальством сверху, хорошо, что мы знакомы, и решу вопрос. Думаю, проблем не будет и, скорее всего, во вторник получите документы. Если возникнут проблемы с переводом, обязательно позвоните, запишите мой домашний номер телефона. Вопросы с багажом и бронированием решайте сами. Жить будете в нашей служебной квартире. Вопросы будут?

Вопросов не было, но свалилось столько дел, что голова шла кругом. Возвращаясь назад домой, по пути, Ирина зашла в паспортный стол, ЖЭУ и на почту – везде нужна была консультация. Позавтракав через силу, составила список предстоящих дел, он оказался настолько внушительным, что и за неделю не осилишь. С чего-то надо было начинать и Ирина начала с багажа. Пока «работала» голова, глаза были сухими, но подключались руки и на глаза наворачивались слезы. Вспомнив о стиральной машине, вода в которой уже остыла, закончила стирку. Достала с антресоли чемодан и большую дорожную сумку, сумка была армейская большая и прочная и определила им место в одном из кресел. Ее дорожная сумка была вне конкуренции и заняла место рядом. В ход пошли белые простыни, из которых Ирина шила мешки под

посылки. Посылки не должны были превышать вес в 10кг. Это были ее вещи, обувь, без которых первое время можно было обойтись. Не коснись разбора вещей для переезда, Ирина бы еще долго не обратила внимания на наличие двух новых комплектов постельного белья, новых полотенец и новой фланелевой пижамы, которые лежали на самой верхней полке шкафа. Она не любила собирать большую стирку, и ей хватало белья и полотенец на смену, пижамы она не носила, предпочитая им ночные сорочки. «Может пригодиться на новом месте» – подумала она. Когда мешки были сшиты, она упаковала свою швейную машину в ее саквояж и непременно решила взять с собой. Машина была электрической, легкой и компактной, много чего «умела», заменяя Ирине, умеющей и любящей шить, магазины и ателье. Ей определили место в армейской сумке ровно посередине. Потом пришла мысль разложить диван и сложить вещи из списка на него, а рядом на полу поставить сумки, тем самым все будет перед глазами. Дело пошло быстрее и аккуратнее. Шубу и костюмы она уложила в чемодан, туда же легли блузки и белье. Разложив на полу кусок полиэтилена, сверху простынь, а еще сверху дубленку поставила саквояж с машиной и, застегнув пуговицы, бережно завязала концы простыни и обернула пленкой, возвратила машину на прежнее место. По одну сторону от машины поместила осеннее пальто в чехле, по другую лягут шторы после стирки. Пришла пора самого трудного и нудного дела, нужно было правильно зашить вручную посылки и написать на них адрес. На почте объяснили как, но делать это Ирине приходилось впервые. Часа два ушло на то чтобы три белых «подушки» килограмм по 8-9 выстроились в прихожей. Уставшая, но довольная, не раз зареванная, она сняла шторы, постирала, развесила их на лоджии и легла спать, забыв про ужин и душ. «Сергей не позвонил, хотя мог бы, не смотря на устроенную мной истерику» – думала она засыпая. Проснулась около семи, лежала минут пять, прислушиваясь к своим ощущениям и не ощутив ничего кроме грусти, успокоилась. На ежедневную пробежку желания не было. Выпив кофе с теперь уже «ненавистными», но все еще вкусными пирожными занялась дальше ревизией вещей. Телефон зазвонил около девяти часов. «Отец» – пронеслось в голове у Ирины.

– Да! Привет пап! У меня все нормально. Прости, замоталась вчера, не обижайся.

– Проблемы? – участливо спросил отец.

– Ты не перебивай меня, я сама собоюсь. Одним словом я на три года уезжаю в Якутию по договору. Пап, я так решила. Буду у вас во вторник, тогда и поговорим, а сейчас у меня один вопрос, что мне делать с машиной?

– Ты с Петровичем разговаривала?

– Нет, решила раньше с тобой поговорить.

– Сделай на него новую доверенность с правом продажи и пусть владеет. «Ласточка», (так Петрович называл машину) – должна летать. Кому через три года будет нужна груда железа? – посоветовал отец.

– Спасибо, пап, значит один вопрос можно считать решенным, – ответила Ирина.

– Лучше бы ты решила остаться – с грустью сказал отец.

– Пап, поговорим обо всем во вторник, а то, боюсь, наговорим лишнего, потом будем оба жалеть. Целуй Димку и Валю. Пока! – она положила трубку.

Повесив трубку, Ирина заплакала, понимая, что обидела отца. Принимая всегда какое-либо решение, даже если оно было окончательным, она всегда советовалась с отцом, пусть и задним числом. Отец, если и догадывался об этой «игре» в советчики, принимал ее и всегда говорил в конце: – «Тебе, дочка виднее. Поступай, как знаешь, ты у меня взрослая, а ошибешься, всегда можно исправить». Немного успокоившись, она отправилась к Петровичу. Петрович – Павлов Юрий Петрович, техник самолетов, приятель отца во времена службы в полку, оба заядлые рыбаки, что их и сдружило. Петрович жил в гарнизоне и в его гараже стояла «Ласточка» ВАЗ-2106, купленная отцом с рук для Ирины три года назад. Петрович оказался дома. Он знал, если пришла Ирина, значит, ей нужна машина. Пользовалась она ею редко и

только летом выезжая на природу, а все остальное время авто было в распоряжении Петровича с условием, что машина всегда будет на ходу. Ирина всегда заранее предупреждала Петровича о предстоящей поездке, кроме того заправляла машину сама и всегда помогала в ремонте, если тот требовался, деньгами.

– Какие планы Петрович? – поздоровавшись, спросила Ирина.

– На дачу собираемся, картошку докопать надо. А тебе куда понадобилось?

– Понадобилось Петрович и срочно. Картошка подождать может? Мне очень нужно.

– Ириша толком объясни, что случилось? – Петрович начинал волноваться.

– Я, Петрович, уезжаю на Север. Мне нужно сегодня отправить три посылки килограмм по 8-9, а потом к нотариусу – переделать на Вас доверенность бессрочную с правом продажи. С папой я поговорила, он согласен. Думаю, за пару часов управимся. Но Вы еще должны отвезти меня на вокзал, скорее всего в четверг, мне самой не справиться. Вы согласны? – выпалила она обо всем сразу и ждала ответа.

– Ириша, ты хочешь сказать, что оставляешь нам машину? – удивление его было искренним.

– Вы в нее столько души вложили, Вы же с ней разговариваете, я слышала. Так что, с сегодняшнего дня, «Ласточка» Ваша. Едем или нет? – Ирина уже стояла в прихожей.

– Едем, Ириша, едем – не веря в свою удачу, суетился Петрович.

– Может я за руль? – видя его волнение, предложила она. – Или успокаивайтесь.

Управились раньше, чем предполагали. Отправив посылки на почте и получив доверенность у нотариуса, Ирина протянула ее Петровичу.

– Владейте! Только, пожалуйста, не забудьте про четверг. Мне к новосибирскому поезду, он отправляется в 18=20.

– Давай договоримся так, передашь мне доверенность на вокзале, и тебе будет спокойнее и мне памяти добавит. Поехали домой, – предложил довольный новый владелец.

Вернувшись назад домой, где на диване лежали вещи, ожидавшие своей очереди, Ирина взяла список, который сократился на треть, прошла на кухню и поняла что проголодалась. Пока закипал чайник, сделала бутерброды, достала пирожные. «Второй день не готовлю, а это плохо» – промелькнуло в голове. Пробежав список глазами, подумала – «Нужно обязательно взять с собой мед и малиновое варенье, не на Юг еду, да и сухая зелень пригодится. Вопрос в чем везти». Выход нашелся сразу, как только она открыла шкаф, где хранились продукты. Ирина хранила сахар в пластиковом 2-х литровом бидончике, где-то был и второй. Бидончики были куплены лет 10 назад, когда молоко продавали на разлив. Мед и варенье обрели свою новую тару, медленно перетекая из одной емкости в другую. Ближе к вечеру чемодан и сумки почти были готовы к поездке. Ехать она думала в джинсовом костюме, курточка которого имела карманы изнутри и снаружи, водолазке и кроссовках, а с собой возьмет куртку на пуху легкую и теплую, шапку и шарф.

Зазвонил телефон. Звонили ребята из музыкальной группы. Все начиналось с обычной самодеятельности, где они и познакомились. Теперь ребята играют в ресторане, иногда приглашают Ирину, обычно на банкеты или дни рождения, когда гуляет одна большая компания.

– Ирина, у нас банкет. Ты не смогла бы прийти, хотя бы на часок? – голос был просящий.

– Я сегодня не могу, вы бы раньше позвонили – она лукавила.

– Банкет заказывал муж, а теперь жена принесла целый список песен, а они практически все твои. Как бы банкет не перерос в скандал. Мужик дает тебе полтинник сверху и может послать за тобой машину. Выручай! – просил гитарист, старший в ансамбле.

– Если купишь моего кормильца, приезжай.

Она очень любила свой синтезатор, который отец принес не задолго, до отъезда в Сибирь, обменяв его «не глядя» на ее фортепиано, со словами: – «И не тяжело, и музыкально. Вот такой я молодец», но везти его с собой было не зачем.

Все прошло весело, с юмором, благодаря усилиям хорошей ведущей, публика оказалась приличная. Вечер удался не только для юбилярши, но и для Ирины, она вкусно поужинала и продала свой инструмент, в надежные и умелые руки.

В понедельник, с самого утра, все отделение было в курсе ее увольнения и отъезда. Они были готовы к такому повороту дела, но совсем в другую сторону и по другому поводу. Разговор с управляющей был короткий, но участливый.

– Заберешь трудовую книжку сегодня, а расчет получишь в среду. Будь внимательна при получении документов, проверяй каждую запятую, не за город едешь. Самое главное не сожалей ни о чем. Счастье не всегда бывает долгим, но оно бывает. Ты умная девочка, грамотный специалист и я приму тебя назад в любое время, но мне сердце подсказывает – мы прощаемся. Иди, работай.

Ирина все отчеты сделала уже к обеду, разобрала бумаги в ящиках стола и полках. До отъезда оставалось четыре часа, когда она ушла с работы. Из багажа у нее был только дипломат с документами и отчетами. Вагон был полупустой и, выпив часа через два чаю, она легла спать. Последние дни ее изрядно вымотали, а еще предстоял разговор с отцом. Прямо с вокзала Ирина поехала к отцу, там ее уже ждали, готовя завтрак.

– Пап, давай только без нотаций, коротко и аргументировано – не успев переступить порог, выпалила она.

– Хорошо. Всего один вопрос. Зачем? – отец смотрел на нее строго и пристально.

– Затем. Мне хочется все поменять, начать заново – не очень уверенно ответила Ирина.

– А географически ближе этого сделать нельзя? – не унимался отец.

– Можно, но в другое место меня не приглашают. – Она начинала сердиться.

– Вот видишь, Валюша, все предельно ясно, Ежик выпустил свои колючки и готов к бою. Не будет боя, дочка, пусть будет Якутия. Институт не бросишь? – отец улыбался.

– Не брошу. Будем видеться два раза в год, а звонить буду раз в десять дней. – Ирина была рада такому решению родных, и с любовью посмотрела на отца, который улыбаясь, обнимал жену.

– Неужели это все? Так нечестно, я целое утро готовилась к словесной дуэли, а ты так быстро сдался. Она обратилась к Вале – Он, что действительно капитулировал?

– А что ему остается делать, зная твой характер? – ответила ей Валя. – Давайте завтракать воины.

В девять часов Ирина уже была в здании управления. Секретарь сразу пригласила ее в кабинет управляющего. Разговор длился не более пяти минут и закончился словами – «Не посрами земли русской». Пока оформлялись документы в кадрах, она сдала отчеты в техническом отделе. Вся процедура заняла два с половиной часа. В институте она задержалась минут на сорок. Позвонила с телеграфа однокурснице в Новосибирск.

– Танюша привет. Мне нужен билет в Якутск на 12 число. Можно это как-то устроить? – с надеждой спросила Ирина.

– Диктуй данные паспорта, сегодня же куплю, а потом заберешь у меня на работе, рейс наверняка вечерний. Запиши адрес конторы. До встречи. – Как пулемет выпалила однокурсница.

Все запланированные на сегодня дела были закончены, а до поезда оставалось шесть часов. «А самолет?» – подумала она. Такой вариант она даже не рассматривала, но упустить возможность через сорок минут быть дома не могла. Стоянка такси была не далеко.

– В аэропорт!

Она летала очень редко, рейс был не удобным, дневным. Сорок минут полета, заправка, сорок минут назад. «Кажется, он улетаёт, если не ошибаюсь, между пятнадцатью и шестнадцатью», – вспоминала она, – «успеваю». Она успела взять билет до начала регистрации, и ЯК-40 в 15=20 взлетел, точно приземлившись через сорок минут. Автобусом она доехала до

центра, зашла в Сберкасса и, закрыв счет, получила деньги. «Теперь домой» – уставшая, но довольная, подумала она. Совмещая поздний обед и ранний ужин, Ирина строила планы на завтра, а сегодня она займется окончательным контролем багажа. Взглянув на часы, она рискнула позвонить в Якутию.

– Добрый вечер. Могу я поговорить с Леонидом Яковлевичем? – волнуясь, спросила она.

– Я Вас слушаю. – В трубке звучал знакомый уже голос.

– Это Федорова, извините за поздний звонок. Документы оформила, билет купила на 12 число.

– Оперативно, молодцы. Прилетите – сразу ко мне. Погода, пока, у нас плюсовая, но за два-три дня может измениться. Одевайтесь по сезону. До свидания.

Ирина набрала домашний номер телефона Татьяны.

– Как мой билет? – задала вопрос Ирина и приготовилась выслушать ответ.

– Твой билет у меня на работе в столе. С вас, девушка, 62 рубля с копейками, плюс проценты. Номер рейса я не помню, а вылет в 23 с минутами. Ты багаж вези сразу в аэропорт, потом возвращайся в город, вечером поедешь налегке. До встречи. – Выпалил пулемет очередной раз.

Татьяна разговаривала всегда очень быстро, и речь ее была понятна, но диалог редко получался обоюдным. Услышав вопрос, Татьяна отвечала на него, и на то, что его может коснуться косвенно, и даже на то, что может быть в перспективе.

Пока машина стирала, Ирина соорудила «сейф для перевозки денег». Деньги, снятые со счета, который пополнялся отцовскими переводами в 30 рублей в течение шести лет, и которые она запретила себе расходовать, рассчитывая только на себя, плюс, вырученные от продажи синтезатора составляли приличную сумму. Личными сбережениями были «остатки» расходов от зарплаты до зарплаты и «ресторанные». Распределив денежные купюры, она приготовила одежду для «утепления». В свой дипломат она поставила по углам «укутанные в целлофан» бидончики с малиной и медом, а между ними положила курточку на пуху, шапку, носки и шарф – «Будет ручной кладью». Проведя в который раз ревизию по шкафам, она все же решила взять с собой комбинезон, платье, пошитое к Новому году и туфли к нему. Улыбнулась – «Пусть будет для выхода в свет». Поставив на плиту чайник, взяла список дел: в нем оставалось всего восемь пунктов. Позвонила соседке, пригласив на чай. Ей было лет 45-50, они общались по-соседски, и та часто жаловалась на сына со снохой, что не хотят уходить на съемную квартиру, то цена не устраивает, то условия. Ирина поставила на стол чашки, конфеты и печенье.

– Как у Вас дела Раиса Степановна?

– Устала я Ирина от этого табора, сил нет, – говорила соседка, сделав глоток чая и жуя печенье, – а у тебя дело или как?

– Уезжаю в четверг на Север, хочу квартиру сдать, может, кого посоветуете.

– Из-за своего мужика уезжаешь? Не поторопилась вещи собрать? Видела я его с женщиной, ссорились они на лестнице. Он лыка не вязал.

– Теперь он уже уехал к себе в часть, в Подмоскovie.

– Ну и ладно. В четверг говоришь? Послезавтра? Сколько брать будешь? – любопытно спросила она.

– А за сколько сдают? – вопрос был риторический.

– Такую квартиру, как твоя, можно за 20 сдать, плюс коммуналка. К тебе же заходи и живи, все есть – с пониманием дела ответила соседка.

– А если за 15? – теперь уже с надеждой спросила Ирина.

– Так и искать не надо, я сейчас за молодыми схожу и решим что делать. – Она встала пошла к себе и уже через минуту вся семья рассматривала квартиру. Вопрос был решен положительно.

– Когда все будем оформлять? – с нетерпением спросил сын соседки.

– С утра к восьми пойдем в ЖЭУ, все сделаем. Заплатите за три месяца, а потом на сберкнижку будете перечислять. Ключи отдам в четверг перед поездом. Согласны?

– Ирина, ты не представляешь, как ты меня выручила, можно сказать спасла. Спасибо тебе огромное, – соседка была очень довольна, «И рядом, и врозь». – Думала она.

Среда не прошла, пронеслась. Горе специалисты ЖЭУ лишь к обеду оформили все документы.

– Ну, молодежь, владейте! – сказала Ирина, протягивая документы. – Вы можете делать перестановку, только стены не ломайте.

Забежав на телеграф, Ирина оплатила межгород, отправилась на рынок и в магазин, чтобы приготовить закуски к столу для банковских девчонок. В три часа она была в банке, получила расчет, а прощальный банкет затянулся до конца рабочего дня. В списке оставалось четыре пункта. Петрович позвонил сам, и они договорились в котором часу он подъедет. «Черт возьми, а куда я дела доверенность?» – Ирина просмотрела все документы, доверенности не было. «А где квитанции на посылки? Все было в один день. Склероз» – думала она волнуясь. Квитанции и доверенность лежали поверх альбомов с фотографиями, которые Ирина собиралась разобрать. Доверенность она вложила в паспорт, а квитанции к документам. Спать не хотелось, и Ирина занялась семейными альбомами. Часть фотографий она возьмет с собой, но без альбома, остальные отправит отцу. Усевшись на полу по-турецки, она открыла первую страницу самого старого альбома. Среди фотографий лежало письмо, написанное ею, лет пять назад и вернувшееся обратно с пометкой «Адресат выбыл».

Утром в четверг, первым делом, Ирина отправила фотографии отцу бандеролью и купила билет на поезд. Времени до поезда оставалось часов восемь, вещи стояли у порога готовые к отъезду, а заняться было не чем, она даже мусор после себя успела вынести. Тогда она просто решила прогуляться, а на обратном пути пообедать в столовой или ресторане, куда выведет кривая. Погода была солнечная, безветренная, пора бабьего лета. «Надо наслаждаться теплом, через сутки буду в северных широтах» – думала она, гуляя по парку, где деревья стояли еще зелеными, цвели астры на клумбах и в этих красках не было и намека на «охру». Пройдя небольшой парк вдоль и поперек, присаживаясь иногда на скамейки, повернула в сторону дома. Вдоволь нагулявшись за четыре часа, она успела пообедать и купить на рынке два красных яблока, вернулась домой. Позвонила отцу, доложила все «по форме», как он любил выражаться. Приготовила себе не хитрый ужин в дорогу, положив его в свою сумку, которую сразу как-то раздуло. «Потерпи, это временно. К утру примешь прежнюю форму, а сейчас мне так удобнее» – говорила Ирина. Сделав несколько бумажных кулечков, в каждый из которых насыпала по чайной ложке растворимого кофе, закрутила и, завернув в две салфетки, положила в кармашек сумки. Петрович приехал в 16:45 с пакетом румяных, теплых пирожков.

– Петрович, Вы это видите? – Ирина показала рукой на вещи? – Я же ночью еду, а потом их куда? – говорила Ирина просительно.

– Вот и ешь всю ночь. А хочешь, вместе начнем уже сейчас? Дома мне не дали, ставь чайник. – Отвечал ей Петрович весело.

Пирожки с яблоками были очень вкусными и их, после трапезы с Петровичем, осталось всего 5 штук, пришлось взять. Петрович отнес вещи к машине и ждал ее внизу. Присев на «дорожку», Ирина позвонила соседке, передала ей ключи, а та ей деньги.

– Здесь деньги за три месяца. Телефон наш ты знаешь, звони. Удачи тебе на новом месте, а за квартиру не переживай, я присмотрю. Не будет получаться на новом месте – возвращайся, только предупреди заранее, чтобы дети успели съехать. С Богом!

– Ты как с этим справишься, тут же килограмм шестьдесят, не меньше? – сокрушался Петрович, переноса вещи в вагон. Ирина передала ему доверенность, которую он бережно положил в карман.

– Своя ноша, Петрович, не тянет. Слышали такое? Вы не ждите отправления, езжайте домой и спасибо Вам за все, – она обняла его.

– Удачи тебе, дочка! – Петрович вскинул правую ладонь к виску. – Честь имею!

Соседями по купе была семейная пара, которая ехала к сыну на рождение дочери, своей первой внучки. Ужинали вместе и даже обещали помочь с багажом, спать легли рано. Поезд стоял, видимо на станции, за окном была ночь, когда в дверь тихонько постучали. Ирина открыла дверь.

– Папа? Я сейчас. – Ирина была удивлена появлением отца среди ночи.

Она сунула ноги в кроссовки, накинула курточку и прикрыла дверь. Они обнялись, Ирина почувствовала себя той маленькой девочкой, которую так обнимал отец, глядя по волосам и приговаривая: – «Слезки портят красоту и сейчас я их утру, будем улыбаться, а потом смеяться».

– Папочка, не волнуйся, я позвоню в субботу обязательно, а через четыре месяца увидимся, – говорила Ирина чуть не плача.

– Все у тебя, родная моя, получится, ты только нас не забывай, – отец поглаживал ее по плечу, губами касаясь волос ее головы, и носом вдыхая их запах, как будто хотел его запомнить.

Так, обнявшись, они стояли до тех пор, пока проводница не показала на выход, поезд отправлялся.

– Здесь гостинцы от Галины Васильевны, Вали и Димки, утром разберешься. Целуй папу и не забудь позвонить.

– Пап, вот ключ от квартиры, а еще я фотографии отправила тебе бандеролью. И у меня будет к тебе просьба – говори всем, что я уехала, выйдя замуж, даже дяде Илье. Пока, – она поцеловала отца.

Отец направился к выходу, подняв к правому виску ладонь, Ирина повторила жест. Войдя в купе, осторожно поставила пакет рядом со столиком и под перестук колес задремала. В семь часов, когда проснулись соседи по купе, она рассмотрела подарки, сразу поняв от кого что. Кроме коробки конфет и баночки икры, оставленные для Тани, сумела все растолкать по углам, а яблоки бережно разложила в одной из сумок среди вещей.

Носильщик отвез вещи к стоянке такси и помог погрузить.

– В аэропорт, ближе к камерам хранения, у меня вечерний рейс, если можете с вещами, вернемся в город вместе, – сказала и предложила одновременно таксисту Ирина.

– Помогу, вдвоем унесем все за один раз. Попутчиков можно брать? – не уверенно спросил водитель такси.

– Берите. А я пока подремлю, – сказано это было для пресечения каких-либо разговоров.

Таксист помог перенести вещи Ирины прямо к ячейкам камеры хранения и ждал у машины. Определив вещи и записав номера ячеек, Ирина вернулась к такси и назвала адрес, где работала Татьяна. Обменяв билет на деньги, коробку конфет и баночку икры, Татьяна посоветовала в аэропорт вечером ехать автобусом.

– Тебе больше ни куда билет не надо брать? Я за такие «проценты» могу каждый день брать билеты тебе и твоей родне. Знаешь, таксисты редко соглашаются ехать в аэропорт в один конец, а все прибывающие рейсы утренние. Так что давай автобусом. Запиши номер. Где проведешь целый день?

– Схожу в цирк, в зоопарк, а лучше на вещевой рынок.

– Вот только там тебя и не было. Езжай лучше в гостиницу аэропорта. При хорошем раскладе, отдохнешь. На зимнюю сессию приедешь? Вот тогда все и расскажешь.

– Приеду. Как вы тут без меня справитесь? До встречи в январе.

Конечно ни в цирк, ни в зоопарк Ирина не собиралась, а вот поездка на вещевой рынок, давала ей шанс убить часов шесть, туда она и направилась. Пять часов ей понадобилось, чтобы не спеша, обойти весь рынок и неторопливо разглядывать товары. При этом она все же купила

несколько вещей, мимо которых пройти не смогла. Вопрос с покупкой сумки под купленные вещи решился здесь же. Сумка была и не дамская и не дорожная, с ней удобно ходить за небольшими покупками. Распределив вещи из трех пакетов в клетчатую красавицу, она с легкостью поместила свою дамскую сумку сверху, застегнула молнию, довольная, рассчиталась с продавцом, покинула рынок и вернулась в город. Пообедав в ресторане гостиницы, заметила на стоянке две машины-такси. «Попытка не пытка, попробую» – подумала она. Таксист согласился на поездку «за полтора счетчика», и через тридцать минут остановился у гостиницы аэропорта. Место, в пустом двухместном номере, на четыре часа ее устраивало. Администратор, подавая ей ключ, сообщила о наличии в гостинице кафе. Заглянув по пути туда, Ирина купила две слоеные трубочки с кремом и поднялась в номер. Приняв душ, включила телевизор и чайник. «В последнее время я только чайник и включаю. Привет гастрит!» – пронеслось в голове. Она не удержалась и примерила обновки, все вещи подошли идеально. Достав кулечек с кофе и рафинад «из вагона», она сделала кофе и, попивая его с трубочками, рассеяно смотрела телевизор. Покончив с кофе, закусила яблоком и выключила телевизор. Волосы, которые она не стригла после «каре» почти год, теперь отросли чуть ниже плеч, и были еще влажными. Помня о том, что ночи в сентябре холодные утеплилась заранее. «Я еду гораздо севернее, а значит температура там еще ниже. Пар костей не ломит» – вслух рассуждала она, положив шапку и шарф в сумку на самый верх, билет и паспорт рядом. В 21-30 она покинула гостиницу и направилась в камеру хранения. Забрав чемодан и сумку поменьше, вошла в здание аэропорта и обратила внимание, что на ее рейс началась регистрация. Минут через пять, попросив присмотреть за вещами, повторила маршрут в камеру хранения. Большую сумку она не несла, а тащила почти по земле, держа дипломат в другой руке. На объем багажа никто не обратил внимания, кроме регистратора. Перевес багажа составил 20 килограмм. «Прав был Петрович», – думала Ирина, оплачивая лишний вес в кассе. Две сумки и чемодан уехали в багажный отсек, а дипломат и новая сумка в клетку стали ручной кладью. Время в терминале тянется очень утомительно, особенно если рейс ночью, поэтому пассажиры, заняв свои места в салоне, не дожидаясь взлета, в большинстве своем засыпали. Поставив свою ручную кладь под кресло, Ирина последовала их примеру. Проснувшись она незадолго до посадки, достала и открыла дамскую сумку, в последний раз проверяя в ней порядок. В одном отделении лежали только документы, в другом фотографии, выбранные Ириной из альбомов, фотография Сергея в рамке, кошелек, расческа, носовой платок. Ничего лишнего не было. Ее взгляд привлекли фотографии: один снимок выделялся размером, он был больше всех. «Слепая ворона», – мысленно выругала себя Ирина, – «верну папе, как только поеду на сессию».

На черно-белой фотографии стояла группа молодых людей в суворовской форме и надпись «Выпуск 1951 года ТшСВУ» (Ташкентское суворовское военное училище). Юноши, стоявшие рядом, во втором ряду крайние слева были «братья» Федоровы: Илья Петрович 1933г.р. – дядя Ирины и Николай Петрович 1934г.р. – ее отец.

Глава 2

Мальчишки познакомились в эшелоне, ехавшем подальше от линии фронта, эвакуируя госпиталь. Светловолосый Колька и темноволосый Илья росли без отцов, и называли их «бай-стриюки». Мать Коли, молоденькая медсестра Валентина Федорова работала до войны в смоленском госпитале, когда познакомилась с его отцом. Он – был военным летчиком. Капитан Котов Георгий Иванович, не мог официально признать мальчика без серьезных проблем для себя, он был женатым, партийным и военным. Он оказывал материальную помощь матери Коли, навещал его на праздники, приходя к ним в барак, приносил игрушки и сладости, иногда недолго они вместе играли. Коля помнил, как к ним приходила красивая тетенька, очень ругала маму, а Колю называла «ублюдком». Отец после этого больше не приходил. В свои шесть лет Коля уже умел читать и писать. Мать все свободное время, до начала войны, посвящала сыну.

Мать Ильи, тридцатилетняя Галина Сорока, тоже была медсестрой этого госпиталя. Кто его отец Илья в свои восемь лет не знал и очень хотел в каждом новом ухажере мамы обрести его. Он, сколько себя помнит, рос «на улице», мамка всегда была занята, но у него было много приятелей, и он не ощущал себя одиноким. Илья только что закончил первый класс и был главным в их небольшой компании.

Бомбили эшелон рано утром. Мать Коли умерла сразу и если бы не Илья, вытащивший Кольку из вагона, который горел, тот бы тоже погиб. Колька плакал, упирался, кусался, царапался и не хотел покидать вагон, ища свою курточку, в которую мать зашила документы и строго-настрого велела ее беречь. Только найденная курточка спасла мальчишек. Мать Ильи помогала раненым выбираться из горящих вагонов, когда самолеты вернулись и начали обстрел, пуля достала и ее. Все время, до приезда помощи, мальчишки просидели у тела Галины, они уже не плакали, а только всхлипывали. От всего увиденного и пережитого, они не помнили, что почти сутки не ели, и теперь, сидя в углу кузова грузовика, который вез выживших раненых, укрывшись одной шинелью, шепотом переговаривались.

– Илюша, куда нас теперь отвезут? Я теперь боюсь поезда, давай пойдем пешком.

– Теперь нас Колька заберут в детский дом, а может, в разные дома.

– А что такое детский дом? Почему они разные?

– Там дети живут, у которых нет ни мамки, ни папки, школяры в одних, мелочь в других.

– Я не хочу в разные дома, я хочу с тобой.

– Может, сказать, что мы братья, тогда точно не разделят. Нет, не получится, фамилии у нас разные и отчества, так у братьев не бывает. У тебя какое отчество? У меня Петрович. Будешь Колька Сорока?

– Не буду я Сорока, давай лучше ты будешь Федоров, и лет мне будет пусть семь, а не шесть, и отчество у меня тоже Петрович. А день рождения у тебя когда? У меня летом, 10 июня.

– И у меня летом, 20 июня. Про день рождения можно правду говорить и про отца выдумывать ничего не надо. У тебя же нет отца, ну настоящего, который жил с вами, а не приходил? Скажем «похоронку» получили. У нас во дворе много кому принесли. Вот как мамку будем называть, они же у нас по разным именам звались?

– Я не знаю. Вдруг я напутаю. Пусть будет Валя или Галя, разница всего одна буква.

На том и сошлись. Был конец октября 1941 года, поезд не довез их до Можайска километров 30. Мальчишек еще не раз передавали «из рук в руки», пока не посадили в другой поезд. Свою небольшую «биографию» они теперь знали наизусть. Сколько ехал поезд уже никто не помнил и не считал. В вагоне были не только их ровесники, но и малыши, которые все время плакали по очереди от голода и страха. Каждая остановка давала надежду на окончание пути, но поезд ехал дальше. Когда кого-то выносили из вагона, охватывал ужас. Только в середине

ноября голодные и грязные добрались до места. Еще в Можайске Коля выбросил свой документ, разорвав его на мелкие кусочки, оставив только фотографию с мамой. Их накормили и повели в баню, где всех постригли и вымыли, дали чистую одежду, отправили спать. Илья слышал, что завтра, кого не возьмут местные жители, отправят поездом дальше. Дальше ехать ему не хотелось, а утром Коля заболел. Когда пришла пора, ехать на вокзал, он нашел старшую по отправке.

– Тетенька, миленькая, оставьте нас здесь, пожалуйста, у Кольки жар, он может не доехать, я видел, как снимают с поезда мертвых. У него же кроме меня нет ни кого, без меня он пропадет, – он говорил, а из глаз по щекам текли слезы отчаяния.

Узнав, что они братья их оставили, и отправили Илью в местный детский дом, а Колю в лазарет с ангиной. Детский дом размещался в двухэтажном здании и имел свою начальную школу, которая размещалась здесь же во флигеле. Илью определили в первый класс, а когда Коля излечился, и учительница проверила его знания, он сидел за парту рядом с братом. Количество детей превышало количество мест детского дома, где было всякое, и тогда они вспоминали вагон, который привез их сюда, и все казалось поправимым. Илья, хотя и вырос на улице, как-то очень поменялся после знакомства с Колей и всего пережитого, он не дерзил старшим, не обижал никого и даже дрался за «дело». Учились мальчишки хорошо. Илья все схватывал на лету, а Коля брал усидчивостью и кругозором, много читал, ему было все интересно. Закончив третий класс в 1944 году, когда Илье было 11, а Коле 10, с легкой руки директора детского дома, ребят приняли в Ташкентское суворовское училище.

Первые два года, из семи лет учебы в училище, были трудными как физически, так и морально. Дети войны взрослеют рано, а вот перевоспитывать некоторых было поздно. Перспектива стать военным, не могла перевесить унижений и оскорблений. Были ссоры, перерастающие в драки, за которые могли отчислить. Как все мальчишки шалили, хулиганили, но никогда не переходили границы дозволенного – у Коли это было в крови, а у Ильи «болела голова» за Колю и это держало его в узде. Что бы избежать подобных ситуаций, Коля приобщил Илью к чтению, и свободное время, которого было не так много, они проводили в библиотеке. Здесь они могли и почитать и помечтать в тишине. В конце войны, в читальном зале на глаза Коли попала газета с заметкой о его отце, которую они с Ильей выкрали из подшивки только через два месяца, чтобы не сразу заметили. Следующие пять лет, повзрослевшие подростки, а потом уже и юноши, одолели без особой натуги, ни к учебе, ни физической подготовке к ним не было ни каких претензий. В этом плане у них все было хорошо. Оба вступили в ряды ВЛКСМ. Близился выпускной, Илья и Николай Федоровы мечтали поступить в военное училище летчиков. Было одно «но». Младшему брату было всего семнадцать лет, а в училище брали с восемнадцати. Документы им выдали, но предупредили: – «Не возьмут, устраивайся сам». Его взяли! Взяли, видя с какой настойчивостью, парень рвется в небо. Так в сентябре 1951 года их приняли в Черниговское военное авиационное училище летчиков, где проучившись два с лишним года, «оседлав» МиГ-15, они заканчивали учебу. На полетах, перед выпуском, присутствовал генерал Котов Георгий Иванович, которого Николай узнал по характерному жесту. Сняв головной убор, тот дважды ладонью приглаживал волосы. После построения и краткой речи, он дал команду: «Вольно!», и попросил курсантов Федоровых задержаться.

- Как настроение «желторотые»?
- Настроение отличное, товарищ генерал.
- В роду не было летчиков?
- Да! Нет!
- Так да или нет?
- Товарищ генерал разрешите...
- Разрешаю.

Николай достал кожаный пакет, который соорудил для него Илья из старого голенища офицерского сапога и где он бережно хранил вырезку из газеты и фотографию, достал содержимое и протянул генералу.

– Узнаете? – не очень надеясь на положительный ответ, спросил Николай.

Генерал вскользь взглянул на газетную вырезку, всматривался в фотографию, узнавая на ней забытые лица.

– А как же брат? Пойдем, присядем, – волнуясь, сказал он.

Они вдвоем, присели на скамью у здания штаба училища, и Николай рассказал отцу всю свою жизнь со времени эвакуации и бомбежки эшелона, а отец коротко о своей жизни.

– Чем я тебе могу помочь? Должен же я хоть что-то сделать для тебя.

– Ничего не будем менять, Георгий Иванович. Встретились мы с Вами случайно, узнал я Вас тоже случайно, фамилии у нас с Вами разные, будет лучше, если об этой встрече вообще никто не узнает, особенно Ваша семья, для них я все такой же ублюдок. Не делайте ничего, чтобы не ломать жизнь ни себе, ни мне, а главное не вредите.

В душе все сильнее росло раздражение. «Он ни разу не спросил о маме» – думал он. Николай знал, что генерал, наверняка, если захочет, может отслеживать его карьеру, а еще был горд тем, что ему удалось, совсем случайно, доказать несостоявшемуся отцу, что он и сам чего-то стоит.

Илья прилетел как ракета с кучей вопросов.

– Как все прошло? Он предложил тебе помощь? Что вообще говорит?

– Прежде чем тебе ответить, поклянись мне, что никому, никогда и нигде ты даже словом не обмолвишься о Котове.

– Клянусь! Ну?

– Не запрыг, нукаешь. Он о маме даже не спросил. Чем он может мне помочь, «теплым» местом службы? А ты уверен, что это потом не обернется для нас боком? Да, для нас, мы братья Илюша, этого не изменить даже ему. Так что не тупи братишка, забудь вообще об этой встрече, прорвемся.

Николаю предстояло ехать на Дальний Восток, Илье на Урал, вот такая география. До Свердловска добирались вместе, потом их пути разошлись, но пообещали писать друг другу письма, пусть и не часто.

Николай приехал в Хабаровск на два дня раньше срока и ни разу не пожалел об этом. В эти дни он встретил свою Любовь. Встреча их была случайной, и познакомились они в парке, где Николай гулял, коротая время, а Маша шла через парк, возвращаясь с работы. Маше было восемнадцать, полгода назад она окончила медицинское училище и работала теперь в детской больнице. Жила она с тетей, отец погиб на фронте, а мама вышла замуж и уехала в другой город. Жили они не бедно, но скромно, в двухкомнатной квартире двухэтажного дома на втором этаже. Квартиру получил отец Маши, мастер завода перед самой войной. В октябре 1941 он ушел на фронт, а в мае 1942 на него получили похоронку. Тетя была сестрой отца и работала в швейной мастерской швеей. Мать, прописав тетю в квартире, «передала» дочь на воспитание ей. Теперь для Маши тетя стала и отцом и матерью. Доходы состояли из тетиной зарплаты, иногда ее подработки от индивидуальных заказов и стипендии, а теперь зарплаты Маши. Николай тоже рассказал о себе за чаем с тетиными плюшками. Взял адрес Маши, пообещав писать, и уехал к месту службы. Первое время писал часто, получая ответы, приезжал один раз в отпуск, потом письма Маше стали приходить реже, но были более содержательными, Николай писал о чувствах, о планах на будущее, о полетах, которые были совсем не такими безоблачными, какими он их расписывал. Двухлетняя переписка закончилась предложением, когда Николай приехал в отпуск летом 1955 года. Они подали заявление в ЗАГС, о чем Маша сообщила маме и подружкам, а он написал Илье. Мама Маши прислала письмо, в котором обозвала «безголовой», добровольно обрекающей себя на скитания по военным городкам и на свадьбу приехать

не обещала. Маша ожидала такого ответа и не очень расстроилась. Всему, что она умела, а умела она многое, ее научила тетя. А вот Илья удивил, приехал и не один, а со своей невестой Софьей. Он, по случаю свадьбы брата взял отпуск, почти два года братья не виделись. Вечер по случаю бракосочетания, по настоянию тети, устроили дома. Подруги нашли комнату для Ильи с невестой в этом же дворе, Илья обещал задержаться дней на пять. Они тоже собирались пожениться через месяц, активно готовясь к свадьбе. Конечно, готовились в основном, родители Сони. Соня была дочерью военного, окончила педагогический институт и преподавала русский язык и литературу в школе.

Свадебное платье Маше тетя сшила сама, сделав его таким, как хотелось племяннице. Гостей было немного – две незамужние подружки из училища, две с мужьями с работы, Илья с Соней, тетя, соседка да молодожены. Праздник затянулся до позднего вечера.

Илья и Соня в съемной комнате только ночевали. Утром приходили к молодым, вместе завтракали, строили планы на день и, если, не хотелось никуда идти, оставались дома готовили обед. Ходили в парк, на реку, а устав возвращались домой. Девушки как-то очень быстро подружились, находили темы для разговора и все время болтали, оставив братьев вдвоем. Илье и Николаю, не видевшимся два года, было о чем поговорить. Они были очень разными. Соня яркая брюнетка с модной стрижкой, в дорогой одежде, с манерами говорить и держать себя – в ней чувствовалась «порода». И Маша, которая была на два года моложе, и внешне красивее Сони, с большими синими глазами и светлыми волосами, собранными в косу, похожая на Василису Прекрасную, но говорившая просто, смеявшаяся громко, в недорогой и скромной одежде уступала ей. Пять дней пролетели незаметно. Илья понимал, что Николай не приедет на его свадьбу и с одной стороны огорчился, с другой был рад. Илье повезло с невестой и тещей, но сильно не повезло с тестем. Среди всех его недостатков на первом месте было пьянство. За год дружбы с Соней он видел будущего тестя либо пьяного, либо с глубокого похмелья. За какие заслуги его еще держали в армии, для Ильи было загадкой. Он боялся, что тесть может испортить свадьбу, которую так ждала Соня и решил: «Зачем Николаю такое знакомство?». Молодые приготовили подарок для Ильи и Сони: – «Поздравлять заранее нельзя, а дарить подарки можно». Когда братья прощались на вокзале, оба знали, что увидятся нескоро.

Через две недели Николай с молодой женой вернулись к месту службы. Им предоставили комнату в общежитии, светлую и просторную, которую Маша преобразила за три дня, здесь стало по-домашнему уютно. Очень быстро она познакомилась с другими женами, всегда находила себе дело и скучала только тогда, когда полеты у Николая «затягивались». Угнетало обоих отсутствие детей. У Ильи родился сын в 1956 году, а вот Маше сообщили, что она детей иметь, скорее всего, не сможет. Весной 1960, получив телеграмму от Ильи о рождении дочери, Маша вообще впала в депрессию, и тогда было принято решение усыновить ребенка, но сделать это надо было так, чтобы меньше людей знало об этом. О передислокации в европейскую часть страны шли разговоры, но им нужен был «индивидуальный» отъезд и не такой длинный. Видя страдание жены, играющей с соседскими детьми, Николай решился. Он вспомнил о письме, полученном в канун Нового 1960 года, точнее открытке, вложенной в конверт, отправленной из Киева – «Кольша! Поздравляю тебя и твою жену с Новым голом! Успехов тебе в службе и ясной хорошей Погоды на взлете. Будь счастлив. Егор». Николай тогда раз пять перечитал эту «шифровку». Ни кто его не называл так никогда. «Стоп! Отец!» – вспомнил он. Так называл его отец в далеком детстве. – «Почему погоды с большой буквы, такого выражения нет у летчиков?» До него дошло! Писал отец, а хорошая погода – это начальник штаба Погодин. «Конспиратор!». Это было год назад. «Пойду к Погодину» – решил он.

Уже через несколько дней он был в штабе. Погодин как будто ждал его.

– Проблемы? – задал вопрос Погодин.

– Да. – Николай изложил суть проблемы и свою просьбу.

– Первая не проблема, а радость, новая жизнь. Документы собрали?

– Пока нет. – Николай смутился.

Погодин лишь на минуту задумался, потирая виски, и продолжил.

– Если Забайкалье устраивает, пиши рапорт по форме прямо сейчас, остальное беру на себя. Соберете документы на усыновление, передадите по инстанции, зайди, я позвоню в исполком, чтобы не затягивали. Жене лучше переехать в Хабаровск, пусть до отъезда живет здесь. Гарантировать сроки я не могу, многое от меня не зависит, а возвращаться с ребенком в часть вам нельзя.

Фамилия Котов за весь разговор не была упомянута ни разу.

Николай, передав Маше весь разговор с Погодиным, и проговорив с ней почти всю ночь, решил, что сразу после Нового года поедет вместе с ней в город. Маша останется там, у тети, забрав все свои вещи, а он, подпишет заявление на усыновление и вернется. Маша была родом из Хабаровска, поэтому отдел народного образования они нашли сразу, где им объяснили всю процедуру усыновления и дали список документов, которые необходимо предоставить.

– Какого возраста ребенка вы хотите усыновить? – задали вопрос.

– До года, – робко ответила Маша.

– Тогда вам лучше съездить в Дом малютки и посмотреть детей. У нас ведь только списки детей, а там увидите все сами, может, кто приглянется сразу. Обычно у нас так и делают.

Получив адрес Дома малютки, Федоровы поехали туда. Заведующую они нашли в кабинете и объяснили ей цель своего визита. Заведующая была высокой, плотной брюнеткой, с резко выпирающими челюстями и длинным носом, какими-то короткими руками и ногами. Когда она заговорила, Маша увидела ее зубы и тут же мысленно прозвала ее «крокодилом»

– Значит, вы семья военнослужащих и хотите усыновить ребенка трех–пяти месяцев, девочку? Список документов у вас есть – соберете. Хотите взглянуть на детей, их только что покормили? – спросила она подобострастно.

Под возраст и пол попадал один из близнецов.

Маше с первого взгляда понравилась девочка с большими синими глазами и светлыми волосиками, а рядом с ней такая же, только цвет волос был на два, три тона темнее.

– Они что близнецы? Разве их разлучают? – спросила Маша недоуменно.

– Это девочка и мальчик. Вы слышали когда-нибудь, чтобы усыновляли сразу двоих? В моей практике такого не было. Вы вот могли бы взять сразу двух?

– Нет. Жене тяжело будет, – ответил Николай и обратился к Маше: – «Она очень на тебя похожа. Может она?» – спросил он.

– Она тебе тоже понравилась? – Маша улыбалась от нахлынувших чувств. Девочке шел четвертый месяц, она уверенно держала голову и, кажется, была довольна знакомству.

Вернувшись в кабинет заведующей, они написали заявление, Маша посмотрела медицинскую карточку девочки: – «Мы можем надеяться?»

– Гарантировать я вам этого не могу, через месяц уезжаю в Израиль, и кто вместо меня будет, не знаю. Она многозначительно посмотрела на Машу, которая попросила Николая подождать в коридоре.

– Все решаю не я одна, комиссия, но у меня есть возможность ускорить дело, – она написала на бумаге цифру 500 и тут же ее смяла. – Все теперь зависит от вас.

– Я приду сразу, как только соберу документы. Присутствие мужа до рассмотрения вопроса больше не понадобится? – получив положительный ответ, Маша попрощалась.

Николай предложил Маше проехать в штаб, и узнать какие справки можно получить здесь, а потом поехать к тете. Теперь оба ни о чем другом, как о девочке, не могли думать.

Улыбка блуждала на лице заведующей, она наконец-то исполнит просьбу сестры и при этом получит деньги с обеих сторон. В дверь постучали.

– Войдите! – ответила она, все еще улыбаясь.

– Здравствуйте. Я по вопросу об усыновления. Мы с женой хотим усыновить мальчика четырех-пяти месяцев. Зовут меня Гриневич Леонид Яковлевич, мне 30, жене 25, она домохозяйка, я работаю экономистом в банке. Вы можете помочь?

– Вы еврей? Конечно, я вам могу помочь, – отвечала заведующая односложно.

Дальше повторилась «процедура», которую прошла Маша с мужем.

– Буду ждать Вас с женой и документами по списку, – на прощание улыбнулась она.

«Крокодил» широко улыбалась: – «За что мне такие подарки в один день?» Сара Львовна должна была оформить свои документы, к усыновлению, раньше усыновителей. Идея, как все сделать в течение месяца прямо озарила ее – «Нужно всего два факта – один смерть матери, у которой не было мужа, второй отказ родственников». Уже через два дня она развила бурную деятельность по сбору документов. Сара Львовна была коварной, подлой, но очень осторожной и думающей особой. «Похоронить» Катю в городе сложнее и она решила ехать в район, где в одном из поселков Катя проходила практику. Данные Кати у нее есть, и она решила начать с районной больницы. Сочинив для врача, не очень опрятного и явно выпивающего, слезную историю о брошенном ребенке непутевой матерью, заплатив некоторую сумму за услугу, она получила справку о смерти от перитонита. По этой, не совсем законной справке в поселковом совете ей выдали уже настоящее свидетельство о смерти, даже не попросив паспорт. Следующий маршрут она проделала в поселок, где жила мать Кати. Сара Львовна думала – «Я просто возьму справку, а отказ напишу сама». В поселковом совете она представилась работником больницы, куда берут Катю на работу после техникума и где могут предоставить жилье бесплатно по причине многодетности семьи ее матери.

– Катя сейчас на практике в другом районе, а дело срочное, нужна только справка о составе семьи, – говорила Сара Львовна. – Нельзя упустить такую возможность.

Наивная секретарь, как большинство провинциалов, порадовалась за Катю и выдала справку, в которой числилось пять человек, трое из которых дети. Вернувшись в город, она даже взяла справку в военкомате о гибели отца Кати, написала отказ от имени ее матери, сделала и заверила все копии. Сара Львовна управилась всего за семь рабочих дней и передала дела близнецов в исполком с пометкой «К усыновлению», в которых уже лежали заявления Федоровых и Гриневич. Усыновители на сборы справок затратили времени в два раза больше, но через двадцать дней у них приняли документы с пометкой «На рассмотрение». Маша все это время жила у тети и готовилась к появлению в семье малышки. Она не допускала даже мысли о том, что все может не получиться. Деньги она передала заведующей и попросила разрешение навещать малышку, которое получила. Она купила вещи для малышки, которые были в продаже, тетя пошила то, чего не доставало. Теперь у нее появился смысл в жизни, и, глядя на нее, Николай, приезжавший всего один раз, только радовался принятому решению. Он и сам готов был к роли отца. Всего за месяц судьба близнецов была решена. Гриневич Илья Леонидович оставался в городе, а Федорова Ирина Николаевна уезжала по месту службы отца. Обе семьи понимали, что все тайное становится явным и Гриневич, написав свой адрес, передал его Федоровым со словами: – «Один раз, под Новый год, открытку или письмо». Проходя мимо фотографии мужчины, несшие детей на руках, сделали фото – «На память».

Глава 3

Катя Петрова и Иосиф Зильбер познакомились в медицинском техникуме, где учился Иосиф на втором курсе, и куда поступила Катя. Русская девушка и еврейский юноша с первого взгляда поняли – это любовь! Целый год, об их встречах, семья Иосифа не догадывалась, пока случайно молодых людей не встретила тетя Иосифа, о чем сразу же доложила сестре. Семья была против отношений единственного сына с простушкой из таежного поселка, которая была старшая в семье, где было еще трое детей. Кроме того они планировали свой отъезд в Израиль и для сына строили далеко идущие планы. А для Иосифа, влюбленного в Катю, их мнение ничего не меняло. – «Будете лезть в мою жизнь, останусь здесь, свет не сошелся на вашей границе. Вы не забыли, что я заканчиваю учиться? Прокормлю себя сам. И с Катей я буду дружить хотите вы этого или не хотите». Тогда на семейном совете решили изменить тактику поведения и на время оставить сына в покое, хотя права голоса у отца не было, и в этой семье все решала мать. Отношения между Катей и Иосифом были изначально нежными и доверительными. После занятий в техникуме они гуляли в любую погоду, ходили в кино или на каток, лишь бы подольше побыть вдвоем. Иногда Катя бывала в гостях в доме Иосифа, но чаще Иосиф был гостем в общежитии Кати, и тогда верная подружка Ленка находила срочные дела и убегала. Расставались они ближе к вечеру или когда Катя уезжала летом на каникулы к бабушке, которая заменила ей мать и отца, чтобы помочь. Иосиф заканчивал учебу в техникуме, Катюше оставалось учиться еще год, когда она сообщила, что беременна.

– Что будем делать, Ося? – так ласково называла она его.

– Катюш, не переживай, сдам экзамены и устроюсь на работу, проживем. Родители если не смирятся, не беда, родишь, сдашь экзамены и поедем к твоей бабушке на парное молоко. Не вешай нос. Ты бабушке рассказала?

– Она сказала: – «Ты только роди, воспитаем». А если вы все же уедите?

– Нашла проблему, приедешь ко мне по вызову. Мы с тобой все варианты обсуждали, на все случаи. А может сразу в ЗАГС? – Они сидели, обнявшись в комнате общежития, где жила Катя. – Вставай, пойдем к родителям, чего тянуть.

– Сообщи им сам, мне не хочется скандала с твоей матерью.

Сообщив новость родителям, которую, матери меньше всего хотелось услышать, и, не дожидаясь реакции родителей, Иосиф ушел к себе в комнату. Катю пригласили на ближайший воскресный обед, чтобы уже ни угрозами, а вескими убеждениями разлучить молодежь. Времени до отъезда оставалось совсем немного.

– Как ты себя чувствуешь Катюша? Тошноты нет? Какой срок? – спросила участливо мать Иосифа.

– Все хорошо, Руфина Самуиловна, не беспокойтесь, три месяца.

– Мы хотим предложить вам с Иосифом единственный правильный вариант в сложившемся положении. Нам надо ехать втроем, чтобы Иосиф смог прислать тебе вызов, как своей невесте. Вам придется там, на месте, все равно переучиваться, так, что заканчивать или бросать учебу в техникуме – особой разницы нет. Свадьбу сыграем. Будете опять вместе учиться, когда ребеночек родится. Будешь работать, сможешь помочь бабушке. Да мало ли, там, каких возможностей с нашим родством.

– Как же я буду учиться, не зная ни еврейского ни другого языка? – робко спросила Катя.

– Да что ты, милочка, там же столько русских. А мы на что? Неужели ты думаешь, бросим тебя или малыша? Ося сделал свой выбор, мы же не можем из-за своей глупости потерять единственного сына. Ты прости нас за прошлые обиды. Теперь мы одна семья.

Отец Иосифа, зная свою жену и ее, мягко говоря, скверный характер, не проронил за весь обед ни слова. Он знал наперед, что жена сделает все возможное и невозможное, но Катя

останется здесь. Единственное, что он сделает – это поговорит с сыном о возможных последствиях сегодняшнего обеда и настоит на отправке вызова для Кати. А жена все продолжала петь соловьем.

– Конечно, вы можете подать заявление здесь и даже родить ребенка, но тогда Иосифу нужно заново переоформлять документы, а это может длиться год. Вы подумайте, что для вас лучше расстаться на два-три месяца или остаться без жилья и жить на одну зарплату год, а может и больше.

– Катюша, что мы решим? Я согласен на любое твоё решение, – спросил Иосиф Катю в своей комнате после завершившегося обеда.

– Ой, не знаю, Ося. Слушаю твою маму, вроде все складно. Только с чего такие перемены? Я сомневаюсь в её искренности, она же меня не переносит, – ответила неуверенно Катя.

– Ну, не скажи. Я просто поставил её перед фактом, что без тебя никуда не поеду. Вот отсюда и весь сыр-бор, – ответил он, обнимая Катю.

– Думаешь, надо согласиться на её предложение? – задала она вопрос.

– Давай попробуем. Не думаю, что вернуться к жене и ребенку будет проблемой.

И Катя, и Иосиф не были уверены в правильности предстоящего отъезда, но доводы матери, в силу их возраста и развития, казались им вескими и убедительными. Они даже не догадывались, какое испытание готовит им судьба. Получив диплом фельдшера, Иосиф уехал с родителями, Катя осталась в городе, уехав на лето на каникулы к бабушке, где встретила свой восемнадцатый день рождения, и вернулась только к началу занятий.

Отец так поговорил с сыном и вызов Кате пришел в тот момент, когда она рожала. 10 октября на свет появились очаровательные близнецы: мальчик Илья и девочка Ирина, так назвала их мама. Катя хотела прервать учебу и устроиться хотя бы санитаркой, деньги на первое время у нее были, их оставил Ося, снять жилье, а через полгода устроить ребят в ясли и доучиться. Узнав о вызове, она обрадовалась – «Папа о нас помнит. Он нас любит», но в тоже время огорчилась – вызов был только на нее. Она, написав письмо, передала его Ленке в окно вместе с запиской и стала ждать ответа. Катю выписали раньше, а ребятшек оставили набирать вес. Во время выписки, зная её историю, доктор посоветовала ей написать заявление в Дом малютки о временном содержании детей и самой устроиться туда ночной няней.

– Так тебе Катюша и техникум бросать не надо, доучишься, полгода осталось, и деньги заработаешь, и детей будешь видеть. А за это время детишки подрастут, уже легче будет, в ясли отдашь, а то и уехать к мужу появится возможность.

– Спасибо Вам, Зоя Ивановна, большое спасибо.

Взяв адрес Дома малютки, она поехала в общежитие, где её ждала Ленка с новостями, подумав – «А прямо завтра с утра в Дом малютки». Рассказала Ленке о возможности решения пребывания близнецов в Доме малютки. Подружка обрадовалась такому повороту дела.

– Не говори о двоих детях, я всем сказала, что родилась девочка. Одна не двое, может это как-то повлияет.

Новости, которые сообщила Ленка, были не очень хорошими. Кате предстояло ждать решения вопросов о её дальнейшем обучении, проживании в общежитии, а также в рядах ВЛКСМ, для чего предстояло присутствие на заседании учебного комитета и комитета комсомола. Уже с утра следующего дня она пришла в техникум к директору. Разговор был не таким, к какому готовилась Катя.

– Петрова, что мне с тобой делать? Выгнать могу на основании пропусков. Тебе восемнадцать и рожать тебе никто не может запретить, но это дурной пример для других. Моральный облик пусть обсуждает комсомол. Не будь ты у нас отличницей, отчислил бы тебя из техникума, не раздумывая, а так совесть всю жизнь будет мучить, полгода всего осталось до выпуска. Даю тебе срок две недели, ты пропустила два зачета, в общежитии остаешься, пока, но без ребенка. Приказ будет сегодня, мне нужна справка о причине отсутствия.

«Как хорошо, что в справке указано просто «Находилась в роддоме» – пронеслось в голове у Кати. Заседание комсомола уже меньше всего интересовало. Большого чем отчислить ее из своих рядов они не могли. Она наведлась в роддом, узнав о малышах и возможных сроках их выписки – «Ни раньше, чем через неделю. Я успеваю приготовить вещи для второго ребенка и сдать эти два зачета, ведь в роддом все равно не пускают».

В доме малютки ее ожидал сюрприз в лице двоюродной тети Иосифа Сары Львовны. Тетя очень удивилась рождению близнецов и подтвердила возможность принять малышей по заявлению на указанный срок и даже согласилась взять Катю на работу ночной санитаркой.

– Когда ты привезешь детей? Справишься с двоими или помощь нужна? – спросила тетя равнодушно.

– Через неделю, если все будет в порядке. Привезем с подружкой, она обещала помочь.

– Тогда встретимся через неделю, можно в любой день, до обеда я всегда здесь. Заявление напишешь в тот же день.

Катя сдала зачеты раньше оговоренного срока и купила вещи второму малышу. Оформила свидетельства о рождении. Ровно через десять дней они с Ленкой забрали детей из роддома и поехали в Дом малютки. Пока оформляли заявления, детей осмотрела не только врач, но и Ленка.

– Какие они славные. На тебя, подружка, как две капли похожи, и друг на друга тоже.

Так прошло три месяца. Днем Катя училась, живя в общежитии, по вечерам уходила на работу, и хотя она видела детей почти всегда спящими, навестывала все в воскресенье. Малыши росли спокойными и здоровыми, как будто чувствовали присутствие мамы. В январе, Кате нужно было проходить практику перед государственными экзаменами, и она очень просила оставить ее в городе в любой больнице, но ей не пошли навстречу.

– Прости Петрова. Разнарядка только по краю. Может тебе повезет, и останешься там после экзаменов, а это значит, предоставят жилье, будет, куда ехать с ребенком, – словно извиняясь, ответили ей.

Направление ей выдали в амбулаторию поселка за сто километров от города. Катя понимала, что по здешним заснеженным дорогам, она вряд ли сможет выехать за пределы поселка так же как в весеннюю распутицу, и навестить малышей. Предстояла разлука с детьми на два месяца. Заведующая оказалась на месте.

– Что ты так расстраиваешься? Ты сама видела, как живут у нас дети, как питаются, какой за ними уход. Два месяца для тебя за работой пролетят быстро, а малыши будут ждать свою маму здесь. Езжай спокойно, – успокаивала ее Сара Львовна.

Разве могла Катя предположить, что ее отъезд так резко изменит судьбу ее и ее детей.

Сара Львовна хорошо помнила свой разговор с сестрой: «Ты не можешь допустить выезд Кати, а тем более с ребенком. В нашем роду не место, для каких-то и нищенок и простолюдинок. Либо ты мне поможешь, либо на мою помощь можешь не рассчитывать и оставаться здесь навсегда. Как ты это сделаешь, меня не волнует». Это был ее шанс, и им надо было воспользоваться, уехав до приезда Кати.

Катя вернулась с практики в город после восьмого марта и прямо с автовокзала поехала в Дом малютки. На месте заведующей она увидела другую женщину.

– Простите, я к Саре Львовне, – растеряно сказала она.

– Сара Львовна здесь больше не работает, теперь я вместо нее. Что у вас за вопрос? – ответила ей незнакомка.

– Моя фамилия Петрова. У меня здесь двое детей на временном содержании, близнецы. Я могу их забрать? – спросила Катя волнуясь.

– У нас нет на содержании близнецов. Как вы говорите ваша фамилия? Петрова? Вот личные дела, – она открыла папку и внимательно посмотрела на Катю. – Покажите, Ваш пас-

порт, пожалуйста. – Пролистала паспорт и опять посмотрела на Катю. – Даже не знаю, как Вам это сказать.

– Что с малышами? – спросила с тревогой Катя.

– С малышами все в порядке, их месяц назад усыновили, а вот Вы умерли. – Растеряно ответила новая заведующая.

Услышав эти слова, Катя потеряла сознание. Заведующая вместе с детским врачом, приведя ее в сознание, уложили на диван и дали успокаивающего.

– Давай с самого начала и все по порядку, – попросила заведующая Катю.

Выслушав Катину историю, сделала вывод.

– Детей теперь тебе не вернуть. Основание для усыновления есть, все документы подлинные, усыновление законно, а добровольно новые родители не отдадут детей. Опять же тайна усыновления. Кто-то приложил к этому руку, и это кто-то свой. Ты представить себе не можешь, какие люди здесь замешаны. С чем ты пойдешь в суд? С жалобой на тетю, которая живет в другой стране. Тебя слушать никто не станет. А если это ни она? Смирись девочка и живи дальше, а дети еще будут.

– Как смириться? Как вообще с этим жить?

Дорога в общежитие не запомнилась, ноги сами привели ее туда. Вахтерша, взглянув на Катю, сразу почувствовала неладное и все высматривала, кого бы послать в комнату к Петровой. А Катя со слезами бросила чемодан у порога и снимала бельевую веревку, висевшую вдоль комнаты для сушки белья.

– Я не буду без вас жить, кровиночки мои, простите меня, я одна во всем виновата.

Вахтерша, увидев Ленку, прямо затрубила в голос.

– Бегом к себе, там что-то с Петровой.

– И ты меня Ося прости, не уберегла я детей. – Катя толкнула табурет.

Ленка влетела в комнату как ураган, схватила нож и резанула по веревке.

– С поломанными ногами, но живая подруга, – кричала она.

Катя загремела вниз, больно ударившись спиной.

– Дыши, родная, дыши. Молодец, дыши, – просила ее Ленка.

Катя закашлялась, а Ленка срезала и снимала веревку, защелкнув дверь, уложила Катю на кровать.

– Чего стучите? В цирк пришли? Представления не будет, и скажите этой слепой тетере, пусть очки заменит. Закрывает дверь и присела на кровать рядом с Катей: «Ты как?»

– Зачем помешала? Я жить не хочу. Я уже мертвая. – Катя, рыдая, рассказала все подруге.

– Тебе надо съездить к бабушке. Хочешь, я поеду с тобой? Давай завтра же и поедем. Чай горячий будешь? Нет, давай лучше валерьянку и в постель. Завтра, все завтра.

Поездка к бабушке, которая жила в десяти километрах от родного поселка Кати и в тридцати от города, далась ей нелегко. Все два часа поездки она молчала, смотря в одну точку. Бабушка была матерью отца Кати и воспитывала ее с десятилетнего возраста, после того как невестка, жена ее единственного сына, который погиб, приняла другого мужчину, родив ему уже троих детей. Здесь же Катя училась в школе, отсюда уехала в техникум, сюда приезжала летом с подругой, воспитанницей детского дома, на каникулы. Увидев внучку, сразу поняла, что-то случилось. Вместо веселой, жизнерадостной девушки перед ней стояла угрюмая «тень».

– Бабуля, мы всего на один день. Поговори с Катей, ей сейчас очень плохо, – говорила Ленка.

– Ты погуляй тогда, в сельпо, что ли сходи, – сказала бабушка, – деньги на буфете.

Катя, сквозь слезы, рассказала только то, чего не знала бабушка, она делилась с ней всем. Бабушка была уверена, что внучка уехала и очень горевала от отсутствия писем. Они проговорили долго. «Проклятая семейка, ироды», – сетовала бабушка, готовя какой-то отвар.

– Ты попей голубка и в церковь пойдем потихоньку, – ласково говорила бабушка, подавая ей старую кружку.

– Я же комсомолка. Какая церковь бабуля? – не уверено произнесла Катя.

– Много тебе твой комсомол помог? Вот платок, покрой голову, – протягивая ей платок, спросила она.

Вернувшись из церкви, Катя даже поела. Ленка отдала бабушке гостинцы, купленные ею вместо подруги, и они вернулись в город. Катя после разговора с бабушкой как будто повзрослела. Она все еще молчала, но взгляд стал не отрешенным, а задумчивым.

– Ты как подруга? – все еще с тревогой спросила Ленка, обнимая ее.

– Будем жить Ленка надеждой, – тихо ответила Катя, положив ей голову на плечо.

Катя написала письмо Иосифу: «Ося, любимый, я потеряла наших детей, и эта потеря всегда будет между нами. Если я их не могу вернуть, буду, хотя бы где-то рядом. Прощай. Катя». Подруги вместе готовились к экзаменам, а когда их сдали, вместе пошли в Дом малютки. Ленка, оставив Катю у входа пошла к заведующей.

– Вы меня извините заранее, я знаю это не положено, я даже догадываюсь, чем это может для Вас закончиться, но поймите, второй раз я могу не успеть достать ее из петли. Она не причинит зла ни детям, ни их новым родителям, если попросится с детьми, пусть тайком или случайно встретившись, может, оживет. Дайте мне адреса усыновителей.

Заведующая, на всю свою жизнь, запомнившая чудовищную историю Кати, даже не возразила и продиктовала адреса усыновителей детей.

– Передайте подруге, пусть только глупостей не наделает и меня не выдает.

В общежитии, подруги решали вопрос: «Как и где можно встретить родителей Ильи и Ирины. Найти Ирину практически не возможно по номеру войсковой части. В квартиру к Илье не попадешь без причины, оставалась прогулка. Когда, где, а главное, кто гуляет с малышом?» Они решили дежурить по очереди, жребий выпал Ленке. Она пришла еще до обеда в первое свое дежурство.

– Значит так, познакомилась я с бабушкой Ильи. Ну, не хмурься. Как я ее должна называть? Завтра пойдем вдвоем, к вечерней прогулке, я покажу, а потом подожду в сторонке.

– Как тебе удалось? – удивленно и радостно спросила Катя.

– Да ничего сложного не было. Зашла в подъезд, нашла квартиру, увидела коляску, поднялась на второй этаж и стала ждать. Вышла пожилая женщина с ребенком, я предложила помочь с коляской. Спросила имя ребенка, возраст, не тяжело ли гулять, а она ответила, что гуляет с ребенком в сквере только утром, а вечером с ним гуляет отец.

– Лен, а чего ждать до завтра? Поехали сегодня, может, успеем к вечерней прогулке.

Они прождали не меньше часа, когда мужчина выкатил коляску из подъезда и пошел в сторону сквера. Катя направилась вслед за ним. Он сел на скамейку в сквере, развернул коляску, разговаривая с малышом. Катя присела рядом.

– Ваш сын? – она, не отрываясь, смотрела на сына. – Сколько ему?

– Наш богатырь Илья Муромец, скоро нам восемь месяцев, а к зиме эта карета уже будет нам не нужна, будем ходить самостоятельно, – с гордостью отвечал отец.

– Простите, Вас, как зовут? – робко спросила Катя.

– Леонид, – он вопросительно посмотрел на Катю.

– Значит, я не ошиблась. Вы не перебивайте меня, просто выслушайте и я уйду. Мать Ирины и Ильи не умерла, вот мой паспорт, – и она рассказала свою историю, изредка смахивая слезинки с глаз, которые мешали ей смотреть на малыша.

– Берегите сына, прощайте, – сказала она, встав со скамейки.

– Пойдите Катя, вы забыли, – он протянул ей паспорт, – Вам надо его потерять, в нем вписаны дети. Вы теперь куда? – участливо спросил он.

– На работу в район, на три года, – ответила равнодушно Катя.

- Приходите сюда завтра в это же время, я принесу Вам фотографию Илюши.
- Спасибо, я приду. До свидания, – она пошла туда, где ждала ее Ленка.

В Гриневице боролись два чувства злость и жалость. Ему было жаль эту девушку, так и не ставшей матерью в силу невероятных обстоятельств. «Кто и зачем дал ей наш адрес? Она ничего не просит, настроена дружелюбно, надо разобраться все ли это правда. Фотографию я ей принесу, и пусть пишет мне до востребования к 1 Мая и 7 ноября, чтобы я не забывал забирать письма» – думал он, возвращаясь с прогулки домой. На следующий день он так и сделал.

– За три года много воды утечет, вернетесь, встретимся. Хотите поддержать Илюшу? – он протянул малыша Кате.

Катя взяла малыша осторожно, как может только мама, прижала его к себе и уткнулась в его светлую головку, вдыхая незнакомый запах. Через пару минут, протянула малыша отцу, посмотрела благодарно ему в глаза.

- Спасибо Вам огромное за все, – резко развернулась и почти побежала.

Екатерина вернулась летом 1964 года. Устроилась в роддом акушеркой и ночной няней в круглосуточный детский сад, в который ходил Илья. С первого дня своего дежурства она узнала в светловолосом малыше своего сына, и они даже подружились, Илья называл ее мама-Катя. Услышав это однажды, Гриневич понял – «Катя вернулась». Ни приводя ребенка в детский сад, не забирая его, он ни разу не встретил Катю. Через год, когда ему предложили работу на Севере, а Илья рассказал маме-Кате о скором отъезде, она сама встретила с ним. Это была совсем другая Катя. «Красавица. В такую девушку только слепой может не влюбиться», – подумал Гриневич.

- Здравствуйте Леонид Яковлевич. Илюша сказал Вы уезжаете. Надолго?

– Пока на пять лет, а там видно будет. А как у Вас дела? Почему я Вас раньше не встречал? – спросил он любопытно.

– Все хорошо. Днем работа, ночью детский сад. Снимаю квартиру. Спасибо Вам за письма. Скажите, я могу попросить Вас писать мне письма с нового места, как раньше?

– Замуж Вам надо выходить, детей рожать, а не только чужих принимать. Вон, какой красавицей стали, прямо не узнать, – говорил Гриневич, разглядывая Катю.

- Вы хотите меня обидеть? – спросила она удивленно.

– Ни в коем случае, я даже об этом не думал, а то, что стали красавицей, так это комплимент. Писать не обещаю, а вот с квартирой могу попробовать помочь. Теща у меня квартирантку хочет взять, я Вас предложу, а Илюша мне поможет, вот ей точно писать придется. Подружитесь, будете в курсе всего. Завтра приходите на смену раньше я Вам результат переговоров скажу.

Кате «назначили» встречу на воскресенье в первой половине дня. Теща Гриневича встретила ее доброжелательно, показала комнату и пригласила к чаю.

– Зовут меня Галина Ивановна. Брать с тебя много не стану, у меня пенсия есть, столотаться можно вместе, если захочешь. Скучно мне будет одной, когда Леня с Илюшей уедут. Илюше ты очень нравишься, все время о маме-Кате рассказывает, а Леня смеется, фельдшер под боком будет. Ты бы бросала тянуть две работы, ночами не спать, а потом опять на смену, не дело это. Денег не хватает или другая причина?

– Да я сама думаю из детского сада уволиться. По возможности буду брать подработку в одном месте. А когда переезжать можно?

– Да когда хочешь, Ключ я тебе, сегодня и дам, а будешь свободная, перевезешь вещи. Если тебе отсюда на работу ближе, чем с той квартиры, так сегодня и перебирайся, время до вечера есть.

Так Катя стала квартиранткой Галины Ивановны Ярошенко, работала в одну смену, изредка подменяя дежурных акушеров. Вечерами они вели долгие беседы за чаем, хотя в основном говорила хозяйка, а Катя слушала.

Родилась и выросла Галина Ивановна в 1910 году в Туле в семье рабочих. Училась в школе, потом на курсах и работала на заводе. Вышла замуж и родила дочь от непутевого гуляки. Отец погиб в гражданскую, мать умерла перед войной. Муж ушел на фронт, а через полгода пропал без вести. Сюда попала после эвакуации в Казахстан, здесь после гражданской остался жить родной брат отца, который устроил ей теплое местечко в горячем цеху завода, что дало ей право выйти на пенсию раньше. Она с любовью рассказывала о зяте и внуке, а дочь называла непутевой. Прожили они вместе год, когда приехал Гриневич с сыном. Причина приезда была проста. Разведясь с мужем, отказавшись от усыновления, Валентина их бросила и уехала. Больше всего встрече был рад Илья, который не слезал с колен Кати.

– Я не справляюсь сам с Ильей, ему мать нужна, настоящая. Ему пяти лет еще нет – говорил он женщинам, сидя за столом. Я бы мог его оставить с легким сердцем здесь, но как я там без него, а он без меня. Не знаю, как поступить.

– Много ли тебе Валентина помогла, Леня? Да от нее сплошной вред был. Нашел воспитательницу. Может и к лучшему, что сбежала, найдешь хорошую женщину, вон хоть Катерину, девушка душевная, работающая.

Выход нашел самый мудрый.

– Мама-Катя поехали с нами, – Илья крепко обнял ее, – скажи папе, что ты согласна.

– Конечно, поеду, милый мой, – она прижала ребенка к себе и подумала – «Лишь бы Гриневич не был против такого предложения».

– А ты Катюша, случайно, не влюбилась в моего зятя? Валька, та еще скотина редкостная, но не быстро ли ты согласилась, да и Леня вроде не звал.

– Я Галина Ивановна не с зятем Вашим поеду, а со своим сыном, – и рассказала о знакомстве с Леонидом Яковлевичем.

Гриневич предложил Кате заключить брак, пусть и фиктивный, как основание для отъезда, но Катя отказалась.

– Зачем Вам еще один развод? Да и не время. Поеду в роли няни, а там посмотрим.

Она уволилась с работы, и втроем они уехали, обещая Галине Ивановне, каждое лето приезжать в гости и писать письма. Катя устроилась на работу в роддом в ночь через двое суток, так что ей хватало времени и на дом, и на сына. Чувство благодарности к Гриневичу переросло в любовь. Через год, когда Гриневич сделал ей официальное предложение, она его приняла. Еще через год у них родился сын Александр.

Верная подруга Кати Ленка вышла замуж за молодого врача, в тот самый период, когда отрабатывала положенный срок в районной больнице, и родила дочку. Теперь их связывали с Катей только письма.

* * *

Иосиф, приехав с матерью и отцом в дом, который был не очень большим, но удобным и хозяином которого был двоюродный дядя матери, а значит его дед, уже за обедом почувствовал все «прелести» новой жизни. Ему выделили небольшую комнату, и пообещали оплачивать только учебу. «За все прелести в жизни тебе придется платить самому», – сказал хозяин дома. Это был невысокий, худощавый еврей 60-ти лет, с пронзительным взглядом и редкой седой растительностью на голове. Своих детей у него не было, а данное обещание родному брату позаботиться о племяннице он выполнил, где ни слова не было сказано ни о муже, ни о сыне. Свою миссию он считал выполненной и не собирался расставаться с деньгами ради них. В доме, кроме хозяина, проживали горничная и повар. Рано утром Иосиф уходил на учебу, потом шел

на работу в больницу, где работал «нянькой» и возвращался поздно вечером. Отца Иосифа новый родственник устроил на работу в небольшую контору, кем-то вроде бухгалтера, даже не подумав о работе в своей «империи». Когда завели разговор о Кате, он не возражал, но с ее приездом Иосиф должен был покинуть его дом.

В это же время, когда Катя вернулась с практики, приехала тетя Иосифа, Сара Львовна и ему не терпелось хоть что-нибудь узнать о Кате. Хорошо, что он не вошел в комнату, иначе не узнал бы всей правды. С каким воодушевлением и удовольствием рассказывала тетя о своей подлости. Иосифа бил озноб, но он дослушал все до конца. Он забрался в самый дальний угол сада, упал в траву и прорыдал до вечера, пока его не нашел отец. С этого дня он стал угрюмым, замкнутым, избегал встреч с матерью и стал еще реже бывать дома. Только две сестры были довольны новой жизнью, в которой не надо было думать ни о чем, и ни ком, кроме самих себя любимых, живя в достатке и не имея никаких забот. Дед, наблюдая за новоявленным внуком полгода, уже не считал его бездельником. Парень хорошо учился, работал, даже занимался простыми делами по дому. «Что-то не едет твоя невеста?» – спросил как-то он. Иосиф со слезами в глазах рассказал ему все, что узнал сам. «Не пожалела ни сына, ни внуков, не пожалеет и меня» – подумал дядя, он же дед и в тайне переписал завещание о приличном наследовании в пользу Иосифа, где его мать имела право на ежемесячное содержание и квартиру, купленную им года три назад. С этих же пор жизнь Иосифа и его отца изменилась к лучшему. Они продолжали работать, а Иосиф еще и учиться, но стали членами семьи, а не бедными родственниками и жить они переехали в квартиру, подальше от жены и матери. Навещали хозяина дома в выходные дни и стали если не друзьями, то хорошими приятелями. Иосиф стал врачом еще при жизни деда, но похоронив преждевременно отца. Он так и не женился. Смерть дяди явилась наказанием для матери Иосифа и ее сестры.

Глава 4

Детство Ирины было счастливым и безоблачным. Мама всегда была рядом, а если и работала, то на половину ставки. Переезды были редкие, и ей не приходилось часто менять школы и подруг. Куда – бы они не переезжали, маме везде удавалось создать уют и комфорт, а Ирине наверстать пробелы в программе школы и музыке. Внешне она была похожа на маму, которую отец ласково называл Василиса Прекрасная, а вот характером в отца, упертая и любознательная, отец прозвал ее «Ежик». С папой они виделись реже, видимо поэтому, она больше тянулась к нему. Ей казалось, ее папа знает все и обо всем. Он научил ее плавать, читать правильно стихи, держаться в седле, даже танцевать, а когда она плакала, вытирал ей слезы и приговаривал: «Слезки портят красоту и сейчас я их утру. Будем улыбаться, а потом смеяться». Папа был для нее авторитетом. Ей было 11 лет, когда ее отца перевели, мягко говоря, под Москву, где они встретились с братом отца и его семьей. Братья не виделись 15 лет, слишком далеко разбросала их служба, только письма да открытки к праздникам не позволяли им потерять друг друга. В семье старшего брата было двое детей 15-летний Сергей и ровесница Ирины Людмила, но училась на класс ниже, так как грамотную Ирину, в одной из школ перевели сразу из третьего в пятый класс. Два года для Ирины были самыми счастливыми. Они семьями в праздники и выходные выезжали в город, по очереди устраивали большие общие обеды или ужины, отдыхали с ночевкой на реке или в лесу. А еще Ирина тайно влюбилась в двоюродного брата, который, в силу своего возраста, уже понимал невозможность дружбы, но тоже испытывал к этой девочке нежные чувства.

Два события перерезали в один миг всю ее счастливую жизнь. Сергей заканчивал 10-ый класс, его отец поступил в академию, и семья уезжала в Москву. Ирина плакала по ночам и очень переживала разлуку. Как она могла объяснить причину? В августе заболела мама Ирины. Все началось с обычной простуды, потом появилась пневмония, а потом ее просто выписали домой....

– Ирина, мне надо с тобой поговорить, – тихо проговорила мама.

– Да, мамочка, я сейчас. Ты давно проснулась? Я на кухне с обедом.

– Да я не спала, с мыслями собиралась, да храбрости набиралась. В моей старой сумке, где документы все лежат, возьми стопку писем связанных, принеси, – попросила она.

– Нашла. Тебе их прочесть? – спросила Ирина, присаживаясь рядом с кроватью.

– Нет. Ты, как будешь свободной, прочти, а что не поймешь, я объясню. Иди хозяйюшка, готовь обед, – тяжело выдохнула мать и прикрыла глаза.

Приготовив обед, сбегав в магазин и накормив отца, Ирина села за уроки. Только к вечеру она вспомнила о письмах. Все письма были адресованы маме и приходили из Хабаровска и Якутии, их было ровно 13. Первым Ирина прочла письмо, отправленное в августе 1961 года. «Здравствуйте. Даже не знаю с чего начать. Дело в том, что мать наших детей не умерла. Она поместила их в Дом малютки временно, пока была на практике, малышей отдали на усыновление. Пыталась повеситься. Спасли. Я был в роддоме, в Доме малютки, там сейчас другая заведующая, все проверил. К нам нет никаких претензий, все законно. Девчонку жалко, ей всего 18. Она ничего не просит, не требует, просто рассказала обо всем, показала паспорт, в который вписаны дети, посмотрела на Илюшу и ушла. Вот такие у нас дела».

Все следующие письма начинались поздравлениями с Новым годом, и пять из них были в одну страницу: «Илья начал ходить», «Илья ходит в ясли, получили квартиру», «Ходим в круглосуточный детский сад», «Катя вернулась с практики и работает в саду, куда ходит Илья», «Валентина от нас сбежала, мы с Илюшей одни». Потом письма стали длиннее, в них было много вопросов об Ирине и единственная просьба – ее фото. «Илюша пошел в первый класс, а Леонид сделал мне предложение», «У нас родился сын Александр», «Высылаю фотографию

нашей семьи, подарок от Деда Мороза отправила» и т.д. Прочитав все письма, Ирина вспомнила, что перед Новым годом они ходили с мамой на почту за посылкой с Севера. Посылка была небольшая, обернутая почтовой бумагой и перемотана бечевой, там были игрушки или книжки и сладости. В прошлом году ей прислали мягкую игрушку, с которой она до сих пор ложиться спать и яркую куртку, которой не было ни у кого. «Так вот ты, какой Дед Мороз» – мысли путались в ее голове. Спала она беспокойно и проснулась очень рано, мама тоже уже не спала, а у отца 1-ая смена полетов.

– Ирина, ты письма прочла? – спросила мама тихо.

– Да, мамочка все прочитала и все поняла. Я вам с папой не родная. Только ты не переживай, вы для меня самые родные и единственные, – ответила Ирина и прижалась к маме присев на край кровати.

– Я не об этом, дочка. Ты поняла, что Катю просто обманом лишили детей, что людская подлость не имеет границ, но кроме подлости есть и сострадание, и порядочность, и любовь? Мне очень нелегко было писать ответы. Каждое мое письмо могло оказаться для нее пропуском в наш дом, но она лишь однажды нарушила обещание и украдкой видела тебя. Стояла у школы и просто смотрела на тебя, а когда я ей махнула рукой, чтобы она подошла ближе, покачала головой – «нет».

– Видела и не подошла? – спросила с удивлением Ирина.

– Она мне обещала. Мала ты еще подружка. Дай мне честное слово, когда ты будешь готова, напиши Кате письмо или открытку. Не возражай, я сказала, когда будешь готова. Пусть через год, два, пять напиши. Пусть Катя будет знать о твоей жизни, о твоих успехах, один раз в год, но это лучше чем неведение, – передохнув, она продолжала, – помни и о том, что у тебя кроме нас есть еще родные братья и отказываться от них у тебя нет никакой причины. Как и когда вы встретитесь, я не знаю, жизнь у вас только начинается, но вам надо познакомиться. Ты у меня умница, сама примешь правильное решение.

– Хорошо мамочка, я обязательно напишу, – ответила Ирина, не веря в свое обещание.

Ирине в октябре 1973 года исполнилось тринадцать, а 20 декабря ее мать умерла. Каждая воинская часть – это свое маленькое государство, со своим уставом и негласными правилами. Кто организовывал похороны, поминки Ирина не знала, она видела знакомые и не знакомые лица, но помнила только лицо мамы. Дядя не приехал на похороны и отец запил. Он уходил утром и приходил за полночь, на уговоры Ирины не пить, отмахивался. Новый Год обошел квартиру стороной, были каникулы и Ирина, решилась. Собрав свои вещи, в шесть часов утра, она вошла в комнату, где спал отец, с неполным ведром холодной воды, и вылила воду на сонного отца.

– Ира, дочь, ты что творишь? Головомойку мне решила устроить? – недовольно, но миролюбиво задал вопрос отец. – Посмотри что натворила? – вставая с постели, проговорил он. – Кто это убирать будет?

– Я тебе приемная дочь. Тебе Николай Петрович тяжело, у тебя жена умерла, а мне бедной сироте, дважды потерявшей матерей легче всех. Мне нужны деньги на билет, чемодан я уже собрала, адрес у меня есть, может, я Кате еще нужна и она меня примет.

Хмель выветрилась именно от этих последних слов, а не от воды. Отец смотрел на Ирину в упор несколько минут, молча, Ира выдержала взгляд.

– Так ты мне дашь денег на билет или мне идти к соседям? И купи себе продуктов, холодильник пустой.

Ирина лукавила. Деньги были и на билет, и на еду, но не там, где они лежали раньше. Наблюдая картину запоя отца, она просто их переложила в другое место.

– Ирина, дай мне десять минут, всего десять минут, и мы с тобой поговорим.

Ирина пошла на кухню, поставила на плиту чайник и стала убирать следы обливания, наткнувшись на посылку. Отец уложился в оговоренный срок, был выбрит и почти свеж.

– Помоги открыть посылку, – уже на кухне попросила она отца.

– От кого?

– От Деда Мороза из Якутии.

– Ты все знаешь?

– Мама рассказала, и письма дала прочесть, и просила написать Кате.

– А почему уехать решила?

– А тебе я зачем? Ты две недели пьешь, дома бываешь набегами, как Мамай. Уйду, ты даже не заметишь. Тебя из армии за пьянство выгонят, а мне либо к Кате, либо в детский дом. – Ирина чувствовала, что ее уже заносит, что пора прекращать театр, иначе отец сообразит, где правда, где игра. «Куда я без тебя, папка мой родной. Ты только не пей» – думала она.

– Может, передумаешь уезжать? Попробуем жить как раньше, а если сорвусь – поступай, как знаешь. Родней тебя у меня никого нет. Я любил тебя и люблю, как родную дочь. Ты на моих руках выросла. Мне так тяжело без мамы, – и он заплакал, как ребенок. Ирина обняла его, и теперь они уже плакали вместе.

Дядя Ирины приехал в середине января. Они втроем сходили на кладбище, накрыв стол для мужчин на кухне, Ирина ушла к себе. Братья разговаривали долго, Ирина даже подумала, что отец по такому поводу, может сорваться и решила подсмотреть и подслушать.

– Ты, Илюша пойми, тяжело мне каждый день смотреть на все это, – он обвел вокруг руками, где все напоминает о ней, и Иришке не легче. Летать морально тяжело стало. Мне 40 лет, надо что-то менять. Буду писать рапорт о переводе на нелетную работу, а нет – спишусь. Одно не дает мне покоя, кто за могилой присмотрит.

– Спишется он. А куда ты пойдешь? Что ты умеешь кроме как летать? Нет, брат, тебе надо служить, в другом месте, но служить. Машу буду я навещать. Интересно, Котов жив?

– Сейчас ему было бы лет 75, может и жив, да где его найдешь.

– Ты, главное, горячку не пори. Пиши рапорт на перевод. Ваши в курсе твоей ситуации, так что особо возражать не будут, а я подумаю к кому еще можно обратиться.

На столе стояла бутылка водки, в ней было больше половины. «Значит, не сорвался», – подумала Ирина и постучала в дверь.

– Вы ребенка кормить собираетесь?

– Заходи дочка. Решила проверить? Не беспокойся, я обещал.

– Ирина, я же тебе подарки привез, – дядя вышел в прихожую и внес свою сумку. – Коля, подсуетись, убери со стола, мы сейчас такой ужин устроим.

Они ужинали, и Федоров – старший рассказывал о Сергее, который поступил в летное училище, о Людмиле, которая заканчивала седьмой класс и уже думала о принце. После ужина, целуя ее на ночь, дядя спросил:

– Ириша, может вам с папой уехать? Напишет рапорт о переводе, тяжело ему здесь, да и тебе легче будет, на земле – не в небе.

– Я не возражаю, пусть пишет. Спокойной ночи, дядя Илья.

Ирина сдала экзамены за 8-ой класс в общеобразовательной и музыкальной школах. Отец получил перевод в другую часть, на новую должность. Мать многому научила дочь и проблем ни с бытом, ни с питанием, не было. Небольшой военный городок расположился почти в самом центре провинциального сибирского городка. Полк был учебный, здесь учились летать курсанты летного училища. Квартиру им выделили в городке, а училась Ирина в городской школе, которая находилась в 15-ти минутах ходьбы и которую закончила через два года с двумя четверками. Из этой же школы она «выбрала» себе мачеху, учительницу химии и своего классного руководителя, Валентине Ивановне было 30-ть лет, и она была не замужем.

Ирине очень нравилась учительница. Не яркие платья, строгие костюмы и каблуки туфель, делали ее полноватую фигуру стройнее. Кудри темных волос аккуратно уложены, даже очки не портили общий облик. Вела уроки интересно, голос никогда не повышала. Как класс-

ный руководитель, всегда придумывала что-то необычное. Класс ее очень уважал и называл ее «наша Валя». Она заметила, что рассказывая отцу о делах в школе, он всегда задавал вопросы, касающиеся учительницы, а отец, возвращаясь с родительских собраний, становился рассеянным и задумчивым. «Влюбился», – подумала Ирина, – «ему надо жениться». Накануне Нового 1976 года Ирина за ужином решила поговорить с отцом.

– Пап, тебе надо жениться, – с серьезным видом начала она, – познакомься с нашей Валею. Она симпатичная, образованная, молодая и ты ей нравишься. – Последнее, она придумала.

– Ирина, ты сама поняла, что сказала? Во-первых, мы знакомы, она твоя учительница, если ты не забыла, Во-вторых, как ты себе представляешь ее рядом со мной? Я старый.

– У вас разница 10-ть лет. Честно скажи да или нет?

– Да, – сказал отец и покраснел. Ему действительно нравилась эта женщина, а сделать первый шаг он не решался. За полтора года учебы Ирины в новой школе он не пропустил ни одного собрания, это была возможность увидеть ее.

– Хорошо. Будем знакомиться вне школы, – загадочно сказала Ирина и подмигнула отцу.

– Ты что задумала дитя природы? – спросил отец. – Не лезь в чужую жизнь авантюристка, сваха нашлась, – он рассмеялся.

«Рано смеешься папочка, я уже все придумала и половину сделала». А придумала она пригласить Валентину Ивановну к себе в гости на Новый год и встретить его втроем. Но как это сделать? Готовясь к новогоднему балу, на котором учительница должна быть ведущей, Ирина ходила вечерами на репетиции в школу, где они встречались. Она дождалась, когда все разошлись, терзая пианино.

– Ирина, не получается? – спросила Валентина Ивановна.

– Нет, все в порядке, я специально, мне надо с Вами поговорить, – выдала она на одном дыхании.

– О чем?

– О Вас. Только отвечайте честно, у Вас есть жених?

– Я была замужем, развелась, а жениха у меня нет, – с улыбкой ответила она.

– Вам нравится мой отец? – задала Ирина вопрос, глядя прямо в глаза.

– Честно, говоришь. Нравится, очень нравится, – учительница смутилась. – Только к чему этот вопрос? Я видела его только на собраниях, мы не общались вне школы, – говорила она, как будто оправдываясь.

– Вы придете к нам на Новый год?

– Ты решила познакомить меня с отцом, зачем? – она улыбнулась.

– Вы нам нравитесь. Я хочу вам, двоим помочь, разве это плохо.

– Это хорошо девочка моя, только как-то неправильно. Взрослые люди сами должны решать такие вопросы.

– Значит, не придете? А если пригласит папа?

– Тогда я подумаю. Пойдем по домам.

Ей нравилась эта девочка. Она не была похожа на своих сверстников и жила как будто в своем маленьком мирке, не впуская в него посторонних, но при этом вовсе не была тихоней или букой. Ирина пришла к ним в школу, в 9-ый класс, в прошлом году. В не полные четырнадцать лет, она была самая младшая в классе, но самая разумная. За год она узнала ученицу ближе. Училась она хорошо, отношения с одноклассниками были приятельскими. Аккуратный, активный и пунктуальный взрослый ребенок.

Вдвоем они вышли из школы, у входа увидели Федорова.

– Вы что так задержались? Я волноваться начал, – он узнал учительницу и смутился.

– Добрый вечер Валентина Ивановна.

– Здравствуйте, – ответила она, забыв от волнения и его имя, и его отчество.

– Папа пригласи Валентину Ивановну к нам на Новый год, – говорила Ирина, незаметно дергая отца за рукав куртки.

– Валентина Ивановна, Вы, где встречаете Новый год? – и, не дожидаясь ответа, продолжал, – может, встретим его вместе? Приходите к нам в гости.

– Даже не знаю. Давайте сделаем так, встретимся на центральной елке у кинотеатра, а там решим. Договорились? – растерянным от волнения голосом сказала она.

– Давайте. Сразу после отъезда Деда Мороза. Вас проводить? – с надеждой спросил Федоров.

– Спасибо, мне не далеко. Ведите дочку домой, морозно сегодня. До свидания.

Они разошлись в разные стороны и зашагали в направлении своих домов.

– Как это все понимать? – задал вопрос отец Ирине, а сам подумал: «Как здорово Ежик все придумала». – Давай руку, сводница.

– Думаю, она придет. Во всяком случае, надо подготовиться, – не слушая отца, говорила она. – За тобой продукты и не вздумай дежурить.

– Какие продукты, чадо мое? Шагай быстрее, замерзнешь, – спросил он весело. «А если, все – таки придет?» – пронеслось в голове.

– К Новогоднему столу, папочка. Постарайся, как следует, не тушенкой же ее угощать. Все остальное я сделаю сама.

Три дня до Новогоднего бала Валентина Ивановна и Ирина вели себя так, как будто ни какого разговора не было. 31 декабря она пришла, и они втроем встретили Новый 1976 год.

После выпускного вечера в школе, отец сделал предложение Вале, они расписались, и Валя переехала к ним, а Ирина через месяц уехала поступать в строительный институт. Приемная комиссия, изучив ее документы, с удивлением отметила возраст абитуриентки, ей было пятнадцать лет. Сдав вступительные экзамены, набрав максимальное количество баллов, Ирина стала студенткой первого курса и отметила свои 16-ть лет в октябре. Теперь она приезжала домой на праздники и каникулы. Через год, у отца и Вали родился сын, а у Ирины брат Дмитрий, еще через полтора, Ирина сама чуть не вышла замуж. Влюбилась, забеременела, уличила жениха в измене, потеряла ребенка и приобрела неутешительный диагноз – бесплодие. Закончив, третий курс института, сдала несколько зачетов и экзаменов экстерном, она перевелась на пятый курс заочного отделения и вернулась домой. Устроилась в строительное управление мастером отделочного участка, получила место в общежитии, к отцу приезжала на выходной. Позже ее перевели в этом же управлении в производственный отдел, где она получила хорошую школу и дали квартиру на всю семью. С ее подачи молодежь организовала здесь вокально-инструментальный ансамбль, и они устраивали праздничные концерты и вечера. Она закончила автошколу и получила права, отец купил подержанную машину и оформил ее на Ирину. На личном фронте было без перемен.

В августе 1981 года ее вызвал начальник управления.

– Ирина Николаевна, у меня Вас сватают из отделения строительного банка.

– А вы что им ответили?

– Без Вашего согласия я не могу. С одной стороны, мне отпускать Вас не хочется, но у Вас перспектив здесь нет, ни я, ни главный инженер на пенсию не собираемся, так что извините, – он развел руками. – С другой стороны, свой человек мне там не помешает, да и должность на порядок выше, решение за Вами.

Вот так Ирина стала старшим инженером местного отделения стройбанка. В штате было всего 12 человек, все женщины, в основном бухгалтера и финансисты, да управляющая, которая и настояла на поступлении Ирины в заочный финансовый институт. В сентябре она вновь стала студенткой. Подруг она так и не завела, но поддерживала хорошие отношения со всеми и была душой любой компании. Летом на машине выезжала на природу с желающими или сама, зимой по выходным ходила на лыжах или каток. По приглашению ребят из ансамбля иногда

пела в ресторане – это была ее «отдушина», она пела и играла, как на концерте, не обращая особого внимания на посетителей – люди отдыхали.

В начале декабря 1984 года ее пригласила на день рождения финансист и жена военного Леночка, работающая в отделении два года и с нетерпением ждущая поступления мужа в академию, чтобы уехать в Москву. День рождения отмечали в ресторане и отказы не принимались. Коллектив поздравил ее, но присутствовать отказался, ссылаясь на возраст. Оставалась Ирина и она должна еще петь.

– Лена, так не честно. Я в твоей компании никого не знаю – это раз, ты попросила ребят мой репертуар – это два, я должна буду бегать от столика к эстраде и обратно – это три. Давай сделаем так – я пою, ты празднуешь.

Когда в зале появились гости Лены, а пришли они «строєм», Ирина среди мужчин узнала Его, Сергея Федорова, свою первую любовь и который никогда не был ее братом. Теперь перед ней был не 17-ти летний юноша, а молодой, красивый мужчина, высокий и стройный, с короткой стрижкой черных волос. Прошло десять с половиной лет с их последней встречи. Ирина сегодня тоже выглядела отлично. Комбинезон, удачно скопированный с одежды зарубежной звезды, бежевого тона, с прической из светлых волос «каре» смотрелся эффектно. Ее охватило волнение и чтобы как-то успокоиться, она решила считать, сколько пар в компании. Пар оказалось семь, а столиков было сдвинуто три – «Возможно есть опоздавшие». Клавиши под пальцами Ирины зазвучали, одна мелодия сменяла другую, подключились ребята. В начале вечера, музыка звучала негромко, давая посетителям время на первые тосты и легкую закуску, «для аппетита», когда появлялись желающие танцевать, делалась громче и, начиналось время вокала. Справившись с волнением минут через сорок, Ирина запела песню Пугачевой: «Ты, теперь я знаю, ты на свете есть». Сергей не танцевал, а сидел в пол оборота и слушал, а потом аплодировал. «Не узнал» – сделала вывод Ирина.

Подвыпившая Леночка, почти силой усадила ее за стол.

– Выпьем за любовь! – предложила она. – Вечную и взаимную! И пусть все мечты сбываются, какими бы они не были!

Познакомила с мужем и начала представлять танцующих гостей, бесцеремонно указывая на них рукой.

– В белой рубашке командир звена с женой, в пиджаке наш финансист со своей воблой, в пуловере доктор с докторшей, в темной рубашке и сером пиджаке летуны с женами, а красавец брюнет в джемпере командировочный летчик, тоже женатый, но это жена другого, он сегодня дежурный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.